

СЕРГЕЙ ПАНЧЕНКО

ПЕКЛО

ЛЬДЫ АРКТИКИ

ИДДК

Пекло (Панченко)

Сергей Панченко

Пекло. Книга 6. Льды Арктики

«ИДДК»

2026

Панченко С. А.

Пекло. Книга 6. Льды Арктики / С. А. Панченко — «ИДДК», 2026 — (Пекло (Панченко))

"Льды Арктики" – роман Сергея Панченко, шестая книга цикла «Пекло», жанр боевая фантастика, постапокалипсис. Пережившие катастрофу герои нашли себе пристанище. Но что в таком мире может быть постоянным? В нём постоянна лишь опасность, а цена покоя – вечная бдительность. Они заслужили передышку, а дальше придется подстраиваться под новую реальность, меняться, бороться, доказывая свое право на будущее. Отступать некуда, герои уже уперлись в арктические льды, сами являющиеся большой опасностью. **ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ СЦЕНЫ РАСПИТИЯ СПИРТНЫХ НАПИТКОВ. ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ. ВНИМАНИЕ! СОДЕРЖИТ УПОМИНАНИЕ КУРЕНИЯ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ. КУРЕНИЕ ТАБАКА ИЛИ УПОТРЕБЛЕНИЕ НИКОТИНОСОДЕРЖАЩЕЙ ПРОДУКЦИИ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ.**

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Панченко

Пекло. Книга 6. Льды Арктики

© Панченко Сергей

© ИДДК

Содержание цикла "Пекло":

Пекло. Книга 1

Пекло. Книга 2. Генезис

Пекло. Книга 3. Разлом

Пекло. Книга 4. Дороги

Пекло. Книга 5. Полярный предел

Пекло. Книга 6. Льды Арктики

Глава 1

Зиму в Архангельске можно было сравнить с характером очень непостоянной и капризной женщины. Когда ветер дул с севера, в город приходили трескучие морозы. Стены изнутри плохо отапливаемых домов покрывались шубой из инея. Большая часть работ снаружи затихала, кроме транспортных. Замерзший крепкий наст способствовал перевалке грузов с объекта на объект. Жители ставили внутри жилищ палатки, шалаши из чего придется, чтобы греться собственным теплом или от свечей. Нормально жилось и работалось только тем, кто находился в подземных помещениях, приведенных в порядок в летнее время.

Однако морозы никогда не держались долго, три-четыре дня максимум. Перегретая атмосфера планеты нагоняла волну теплого воздуха с материка, и на неделю-другую устанавливалась относительно теплая погода. Правда, смена атмосферных фронтов всегда сопровождалась сильным ветром, снегопадами или метелями. За пару дней толщина снега могла увеличиться на три метра и более. Затем обязательно наступала оттепель, снег садился, уплотнялся, и следующий мороз превращал этот слой в плотный оледеневший наст, на котором можно было прыгать без страха провалиться.

В ясный морозный день отраженный солнечный свет не давал открыть глаза. На фоне авитаминоза они хуже адаптировались к такому яркому свету, и нередко у рыбаков или перевозчиков происходили случаи снежной слепоты. Приходилось экипировать их самодельными очками из закопченных стекол. Кареглазые чаще страдали от этого недуга, и при наборе в зимний отряд рыбаков стали учитывать эту особенность.

Благодаря своим немецким предкам Роберт имел светлую, почти голубую радужную оболочку. До середины зимы он работал в рыбном цехе вместе с женой и сыном. Это было продуваемое всеми ветрами помещение. За рабочую смену отмерзали руки и ноги. Возиться с рыбой в рукавицах не представлялось возможным. Ладони дубели, пальцы становились неподвижными, но надо было делать план, иначе пайка сильно урезалась. Точно так же страдал и Даниэль, и многие из их общины, кому досталась работа в рыбном цехе. Больше повезло Марии. Она работала в небольшой закрытой перегородками комнатке. У них постоянно горел огонь и кипятилась вода для обработки емкостей для хранения рыбы.

Мария грела рукавицы и украдкой выносила сыну, чтобы он мог сунуть в них ладони и хоть немного согреться. Как ни странно, никто не страдал простудой или болезнью суставов. Хорошее питание делало свое дело. Сил хватало на все: и на работу, и на здоровье, и на отдых. Один день в неделю являлся обязательным выходным. Не вызывали даже в случае аврала, чтобы человек мог отдохнуть по-настоящему и почувствовать заботу о себе.

Для более качественного досуга в городе имелаась библиотека. В ней хранился весь ассортимент уцелевших печатных изданий, начиная с рекламных листовок и заканчивая настоящими книгами в хорошем переплете. Библиотека никогда не пустовала. Людям нравилось читать о прошлой жизни. Было в этом томительное ностальгическое очарование, как по утерянному счастью.

Мартенсы набрали вес и больше не напоминали призраков. Оказалось, что подросшая за время похода дочь превратилась в настоящую красавицу. У Эмилии быстро появились поклонники, обивающие пороги квартиры по вечерам. Дочь училась в школе, но ее воздыхатели уже работали и имели возможность надоедать только в вечернее время. Однажды Даниэль сцепился с одним из них, но не справился. И с того дня у него появилась навязчивая мысль заняться боксом. Никто в Архангельске спортивные клубы не открывал, это было бы глупо в нынешней ситуации, но Даниэль проявил настойчивость и нашел тренера. Уговорил его уделить ему пару часов в вечернее время и потренировать. Расплачивался частью своей пайки и тем, что удавалось умыкнуть с рабочего места. Еда стоила дорого, особенно у тех, кто не работал с ней.

В зимнее время всякая активность потенциальных врагов сошла на нет. Ни одной пугающей новости не пришло с внешних границ общины. В город обозами шли рыбаки из соседних и даже дальних поселений, но никто не жаловался, что на них напали. Хотелось верить, что враждебные намерения людей не выдержали конкуренции со здравомыслием, заключающимся во взаимовыгодной торговле, обмене и прочем.

Лада, проводившая с новыми членами общины повторное собеседование спустя три месяца, так и не определилась, куда ей выгоднее пристроить Роберта с семьей. Первоначальный план рекрутировать их в военные показался преждевременным. В рабочих руках община нуждалась сильнее.

– Наверное, пойдете с сыном в рыбаки, – предположила она, – или в крестьяне. Весна поможет нам определить конъюнктуру.

Роберт знал, что на земле работы больше. Требовалось высаживать не только сельскохозяйственные культуры, но и размножать леса. Высохшие после катастрофы деревья быстро заканчивались. Десятитысячная община остро нуждалась в топливе и строительном материале. Надо было смотреть в будущее и планировать так, чтобы потомки могли воспользоваться плодами их усилий. Роберт не чувствовал тяги к такому труду. Рыболовство казалось ему более опасным занятием, но и более интересным. Он часто общался с рыбаками, отдыхающими в городе, и уже представлял себе этот труд в деталях.

Во время тектонической части катастрофы вода ушла из Двинской и Онежской губы. Остатки разошлись по разломам да по низинам. Там же и сохранились рыба, тюлени и прочая водоплавающая живность. Потом со стороны Белого моря пришел жуткий холод. Водная фауна в разломах пережила его относительно благополучно. Птицы успели улететь чуть южнее, пока могли терпеть пекло. Где-то на границе двух фронтов им удалось чудом сохраниться. Спустя два года, когда к побережью стали тянуться оголодавшие люди, сбегаящие от жуткой жизни, вода начала возвращаться в свои привычные границы.

Происходило это всегда неожиданно, как будто прорывалась плотина из льда. Наверняка так и случалось, потому что каждая новая волна подъема воды приносила ледяную кашу. Так как людей в то время было немного, то и гибли они от подобных природных эксцессов нечасто. От берега далеко не уходили, при первой опасности всегда могли быстро вернуться на сушу и переждать опасный период. Постепенно у жителей побережья появились знания относительно рыболовства и природных явлений. Они могли по внешним признакам определить рыбные места, движение косяков сельди или начинающийся подъем воды. Постоянное хорошее питание, отсутствие давления со стороны банд способствовали процветанию поселений. Они могли полностью отдаваться труду, не заботясь о защите своих общин.

Рыбаки уходили в море, хоть это и было громко сказано, потому что Двинская губа уже не являлась сплошным водоемом, как прежде, редко дольше чем на трое суток. Выбирали для ночлега какой-нибудь знакомый островок и прочесывали пространство вокруг него. Если набирали улов, возвращались домой; если не везло, уходили на другой. Пойманная рыба в летний период не могла сохраняться в лодках, поэтому даже небольшой улов пересыпали льдом, добытым из огромных льдин, и везли в город. Зимой, чтобы не скучать и не наниматься на другие работы, рыбаки, живущие собственными общинами, охотились со льда на навагу. Ставили передвижные палатки и жили много дней в ней, вылавливая рыбу из просверленных лунок. У рыбаков появилась собственная честь, будто они потомственные рыбаки, которым западло заниматься другой работой. Это было неплохо, мастерство требовалось совершенствовать, а не метаться с заработка на заработок.

Архангелогородцы такой свободы выбора не имели. Костяк не трогали, но остальных могли приказным порядком забрать в консервный цех или на более трудоемкие работы, такие как выкапывание временных морозильных складов в снегу. Пожалуй, это было самым тяжелым. Приходилось махать лопатой и кайлом, чтобы расколоть промерзшие слои наста.

Друг Роберта, Алексей Алексеевич, по прозвищу Физрук, за свои хорошие физические данные после откорма попал именно на такую работу. Как-то они встретились в выходной. Физрук показал свои отполированные мозоли, ставшие каменными. Ладони его не разжимались, словно он продолжал держать в них черенок лопаты.

– Иногда мне кажется, что бродить и голодать было намного легче, чем каждый день надрываться на такой работе, – признался он. – Был в нашем бродяжничестве цыганский кураж. Если бы не жена и дети, сбежал бы к чертовой матери. Задолбался, как дятел, стучать с утра до вечера.

– А в рыбаки хочешь? – поинтересовался Роберт. – Я слышал, туда отбирают людей только с голубыми глазами, а то кареглазые слепнут от снега. А мы с тобой истинные арийцы.

– Конечно, хочу, но кому это интересно, кроме меня? – спросил Физрук. – Даже Ленка моя не особо загорится желанием переезжать. Ей и здесь хорошо. Она уже освоилась, детей в школу отправила, подруг нашла, коммуникации выстроила с нужными людьми.

– Она у тебя кто, серый кардинал? – удивился Роберт.

Он раньше и не знал, что жена Алексея настолько умна в таких вопросах.

– Ты почти угадал. Она о себе говорит, что занимает промежуточное положение между серым кардиналом и серой мышью. Первое помогает ей создавать и реализовывать планы, а второе – всегда оставаться в тени. – Физрук добродушно рассмеялся. – С мышью она перегнула – скорее, серая норка.

– Тогда ей точно среди рыбаков не разгуляться, – решил Роберт.

– А тебя что, решили туда перевести?

– Да, Лада сказала, что на границе сейчас тихо и есть вероятность, что вместо военной службы отправят рыбачить или на поля. Но я на поля не хочу, вообще не моя тема. Буду проситься в рыбаки. Скажу, что рыбаками надо брать светлоглазых, а крестьянами – темноглазых. Зимой у них точно работы на свежем воздухе немного, пусть берегут глаза на таких же складах, как у тебя.

– Звучит как геноцид, но не пойму, кого геноцидят больше, – признался Физрук. – Но ты меня заинтересовал. Если моим мнением будут интересоваться, то я скорее выберу рыбака, чем крестьянина. Не пристало бывшему функционеру высочайшего уровня ковыряться в земле. Буду обрабатывать жену, чтобы начинала подумывать о переезде.

Этот разговор произошел за полтора месяца до начала сильной весенней оттепели. Предшествовали ей сильные ветра, регулярно меняющие направление. Они гнали по ровным снежным степям мелкую ледяную пыль, образующую сыпучие звенящие сугробы. Они не лежали на одном месте, а постоянно переползали. С утра снежные наметы могли протянуться вдоль улицы длинными косами, а к вечеру собраться поперек нее ледяными дюнами.

А к концу марта подул южный ветер, теплеющий с каждым днем. Сугробы стали оттаивать от стен домов, образуя вокруг них ледяные коридоры. Благодаря тому, что большая часть снега за зиму заледенела, никаких потопов не случилось. Он стаивал медленно, вода почти полностью успевала впитываться в землю. Для детей и подростков этот период являлся одним из самых любимых. Дети торопились использовать естественные ледяные пещеры для игр, подростки – для баловства, зажимая по ним девчонок, или курили всякую насушенную с осени траву за неимением настоящих сигарет. Для них курение являлось признаком мужества и традиционного в этом возрасте протеста. Роберт иногда чувствовал, что от сына пахнет дымом, но отчитывать не спешил. Во-первых, он не знал, был ли вред от курения травы, во-вторых, сын мог ответить, что жег костер. Не хотелось начинать нравоучения, не имея твердых моральных оснований.

Кроме того, Даниэль сильно повзрослел внутренне, что доказал недавний случай. Он заступился за сестру, которую пытались зажать несколько парней. Даниэль не раздумывая кинулся в драку, за ним бросился и его неразлучный товарищ Ростик. Несмотря на неравные

силы, они одолели наглецов, серьезно набили им физиономии и не дали опозорить сестру. Потом хулиганам еще прилетело от родителей и от властей, адекватно отреагировавших на событие. Община довольно жестко обходилась с нарушителями дисциплины.

– Семья, я думаю, что нам надо переезжать из города ближе к морю. Даниэль уже мужик, нечего ему тут по цехам рыбу разделявать. Настоящая мужская работа – это выходить в море и ловить сетями рыбу. От постоянного запаха рыбьих кишок тут начинают размножаться всякие крысы, а на берегу чистый воздух и свобода. – У Роберта уже давно зрело желание поставить точку в этом вопросе. – Завтра я иду к Ладе и скажу ей, что готов выбрать профессию рыбака.

– А если она решит по-другому? – засомневалась Мария.

– Не скажу – точно решит по-другому, а так может прислушаться. Я много думал, выбирая между работой на земле и в море, и пришел к выводу, что водная стихия мне больше по душе.

– Она опаснее, чем крестьянский труд, – заметила супруга.

– Я узнавал, за три года лишь два смертельных случая, и то из-за жадности. Перегрузили лодку, черпнули воды и пошли на дно.

– Я же папин выбор. – Даниэль поднял руку вверх. – Мне тут шкушно.

– А там парни есть? – спросила Эмилия.

– Конечно, и не чета городским, сильные, смелые и уважительные. – Роберт немного приукрасил, чтобы дочь приняла его выбор.

– Я согласна, – произнесла она. – А то говорят, что школьников тут все лето заставляют посевы от сорняков очищать.

– А там, думаешь, только жениться будешь? – спросила мать. – И там работы по горло, только вся она будет связана с рыбой.

– Да пофиг тогда. Где вы, там и я, – явила Эмилия безукоризненную логику.

– Я тогда тоже придерживусь таких взглядов. – Мария подумала, что имеющихся у нее знаний недостаточно, чтобы принять однозначное решение.

Пока Роберт настраивался подойти к вечно занятой Ладе, не сидящей на месте, глава общины сам решил собрать десятка три человек. В основном из новеньких, но были и те, кто присоединился давно. Показательно, что Физрука тоже пригласили.

– Однако интрига, шеф, – заметил он перед началом собрания. – Как думаешь, распределить будут?

– Я думаю, нас уже отобрали, просто скажут, куда, – решил Роберт.

– Чижова не взяли, я так и думал. Он кашлял всю зиму, как туберкулезник.

– Да, я бывал у них дома несколько раз. Он что-то сильно сдал. Думаю, его на легкий труд определяют, – сказал Роберт.

Глава общины, даже не коренной житель Архангельска, мужчина ближе к шестидесяти, просил называть себя Первым. Наверное, он решил запечатлеть себя в анналах истории как первый правитель города, а то и нового государства. За спиной его называли по имени, Михаилом, но в лицо или в случае оглашения его решений только Первым.

Первый вышел к людям торопливой походкой в сопровождении трех суровых бородачей. От них сразу пахло рыбой. Роберту представилось, как много в их бородах застряло рыбьей чешуи.

– Так, народ, всем здрасте, – начал Первый в своей любимой неофициальной манере. – Собрал я вас сказать, что вы с завтрашнего дня переводитесь на побережье в рыбацкий поселок. Пока это испытательный срок. Вот Захар, наш бессменный бригадир, решит, кто из вас достоин нести гордое звание рыбака, а кто вернется назад и попробует поискать себя в другой профессии. Собирайте все свое личное имущество, и завтра в восемь утра старт. Пока еще не сошел весь наст, можете спокойно добраться до нового места жительства на санях.

– Олени будут? – спросили из зала.

– Да, три оленя. Они повезут ваше имущество, – пояснил бородач Захар.

– А сколько туда идти? – спросил Физрук.

– Двое суток.

– Если среди вас есть те, кто категорически не желает жить в рыбацком поселке, поднимите руки, – предложил Первый. – Насильно никого заставлять не будем. Всегда есть альтернативы.

Поднялись две руки.

– Ясно. После собрания подойдите ко мне, вычеркнем вас из списков. А сейчас Захар немного посвятит вас в специфику рыбацкого труда, может, отказников и прибавится. – Первый похлопал Захара по плечу. – Даю слово бригадиру.

Сразу было видно, что он не мастак говорить речи. Разволновался, стал откашливаться.

– В общем, труд простой, но требует сноровки и умения понимать природу. У хорошего рыбака должна быть чуйка, иначе он ничего не поймает. Но это лирика, так сказать, главное – сберечь пойманный улов и переработать. Помимо рыболовства, нужно уметь плести сети, заготавливать лед, быстро собирать чумы. Мы не живем на одном месте долго. Кочуем по побережью, ищем более плодородные воды или спасаемся от внезапных наводнений. Вы новенькие, но уже, наверное, слышали, что Белое море сейчас – сплошной ледник, который тает и непрерывно раскалывается. Временами воды выплескивается так много, что случаются мгновенные поднятия уровня. Плохо, когда такие вещи застают во время работы. Наши лодки не особо пригодны для морских прогулок, легко могут зачерпнуть воды – и сразу на дно. Пока что бог миловал. Мы уже знаем по линии горизонта, когда идет волна, и успеваем добраться до ближайшего острова. В целом наша работа безопасна, если подходить к ней с головой.

– А зимой что делаете? – поинтересовались из зала.

– Зимой мы охотимся на тюленя, занимаемся подледной рыбалкой и заготавливаем лед. Он необходим для питья, хранения и перевозки рыбы в летнее время. Помимо этого, готовим новые шкуры, варим студень, учим детей в школе. Короче, и зимой работы хватает, но она немного спокойнее. – Захар осмотрел зал. – Испугавшиеся еще есть?

Больше никто не поднял руку.

– Что думаешь, шеф? Получатся из нас рыбаки? – поинтересовался Физрук.

– А ты плаваешь хорошо?

– Думаешь, пригодится? – Физрук напрягся. – Вообще умею, конечно, но если навернемся из лодки посреди моря...

– Меня только это беспокоит, остальному научимся, – ответил Роберт.

– Надо бы внедрить у них спортивную рыбалку на удочку. – Физрук повздыхал. – Ладно, еще одну зиму колупания пещер я не вынесу.

– Так, если нет вопросов, то завтра в восемь мы ждем вас у этого здания с семьями и вещами, – произнес Захар. – Опоздавших ждать не будем.

– А одинокие мужчины у вас есть? – поинтересовалась женщина из зала.

Роберт ее не знал.

– Есть. Например, я, – ответил Захар.

Его ответ смутил женщину.

– Спасибо. – Она села на место с зарумянившимися щеками.

– Так, народ, мы с Ладой внимательно отбирали вас и надеемся, что не подкачаете, – слово снова взял Первый. – Учтите: будете нарушать трудовую дисциплину или дебоширить во вне рабочее время, вернетесь назад, но уже выбирать вам никто не позволит. Засунем на самую грязную работу, а далее только исключение из общины. Не думайте, что мы тут мягкие и пушистые. Мы превентивно позитивные, для нас все хорошие, пока не докажете обратное. – Он снова обратился к Захару: – Ну, можешь со всеми перезнакомиться по списку. – Первый отдал ему тонкую дощечку.

– Спасибо, Первый. – Захар взял ее и пробежался глазами. – Итак, господа претенденты, давайте знакомиться ближе.

Захар называл фамилию и имя, человек поднимался. Бригадир рыбацкого поселка несколько секунд сканировал его, потом сажал.

– Мартенс Роберт, – произнес он с интересом.

Роберт поднялся.

– Я.

– Хм, немец? – поинтересовался Захар.

– Как бы. По отцовской линии, но кровь очень разбавлена.

– Помнится, лет десять назад я был в Москве в министерстве, и там нас принимал человек с такой же фамилией. Не вы ли? – спросил Захар.

– Министерстве торговли?

– Да.

– Скорее всего, я. Не знал там других Мартенсов. А вы кем работали?

– Я был представителем крупного агрохолдинга, приезжал по поводу строительства мясо-перерабатывающего комбината. Нам нужен был выход на внешние рынки.

Роберт напряг память.

– Росагропереработка? – спросил он неуверенно.

– Да, – рот Захара, спрятанный в бороде, растянулся, – она самая. Вот оно как в жизни – то вы меня принимали, теперь я вас.

Народ в зале, заинтригованный неожиданной встречей, притих. Для многих из других общин происхождение общины Роберта являлось тайной. Никто не желал распространяться об этом, чтобы не ворошить прошлое. Верхушка, конечно, знала, но молчала по той же самой причине.

– Очень рад снова встретиться. – Роберт не знал, как отреагирует Захар на эту встречу.

Он не помнил, какой вердикт они вынесли Росагропереработке, но хотел верить, что положительный.

– Цените, с какими людьми придется работать, – произнес Захар для остального зала. – Единственный человек, который тогда в нас поверил. Если бы не он, меня и многих соратников вы бы здесь не увидели. Мы только успели завершить строительство хранилищ и завезти в них оборудование, как случилась катастрофа. Там и пережили ее.

Роберт облегченно выдохнул про себя. Приятно, когда наступает нежданный бумеранг добра из прошлого.

– Рад снова работать вместе, – произнес он.

– Взаимно.

Захар назвал всех, кто был в списке, подробно рассматривая каждого претендента. Переключка закончилась. Он вернул табличку Первому.

– Ну что, народ, у вас ночь на раздумья. Кто не придет, значит, передумал. В Архангельске всякой работы полно, так что скучно никому не будет. – Захар пожал руку Первому. – Всем до завтра.

Он и его товарищи ушли. Первый задержал людей, тоже собравшихся выходить.

– Чтобы вы правильно нас поняли, скажу: каждое следующее предложение работы будет хуже предыдущего. Мы сильно зависим от рыболовства, пока не подняли сельское хозяйство, и это наша элита. Там лучшие люди, и мы вас по некоторым признакам отнесли к таким, поэтому не подведите. Если кто уже сейчас передумал, останьтесь, я выслушаю причины. Остальные свободны.

Роберт покинул помещение одним из первых. Дождался на улице Физрука, и они вместе пошли домой. Вечерело. Заходящее солнце отражалось на ледяной поверхности осевших сугробов. Дети специально рассыпали золу или песок, чтобы скорее оголились тропинки. Но

пока проталин почти не было, хотя уже дня три держалась положительная температура в светлое время суток.

– Как настроение, не передумал? – поинтересовался вышедший на улицу Физрук.

– Нет, не передумал. Все идет так, как я и планировал.

– А ты помнил этого Захара? Что он за человек?

– Как человека вообще не знаю. Я лично не общался с ним. С трудом вспомнил название их фирмы, и то потому, что там были сложности какие-то. А потом, когда они разрешились, нам хотели устроить небольшой праздник, а я не поехал. Кажется, дочь разболелась, а Машке надо было на работу, и я сидел с ней дома. Вот все, что помню про это событие.

– Немного. Ладно, вроде ничего мужик, настоящий поморец, с бородой, суровым взглядом. Да и имя такое старинное, подходящее.

– Ну да, Роберт как-то не вяжется с рыбалкой.

– А Алёша вяжется? – Физрук усмехнулся. – Ладно, пристрогаемся потихоньку. Жаль, Чицова нет и других тоже. Веселее было бы вместе.

– У Первого своя стратегия, и думаю, она правильная. Надо разбивать старые коллективы, иначе схемы начнут мутить, а это всегда минус для эффективности. – Роберт и сам бы так поступил на руководящей должности. – Будем ходить с тобой в гости к нашим, кто в сельском хозяйстве. Мы им – рыбу и студень из водорослей, они нам – муку и масло, – поделился в шутку Роберт.

– Нет, мы будем встречаться и печь пироги с рыбой и капустой. Мм, как давно я не ел ничего подобного. – Физрук сглотнул слюну. – Слушай, Роберт, а как тебя идея пекарни года через три, когда муки будет вдоволь?

– Умениями не владею, но идея хорошая, – согласился Роберт. – Думаю, появление их не за горами.

– Я бы хотел свою пекарню. Сам бы там работал тестомесом. Уж точно лучше, чем рыбу сетями тягать или кайлом махать. Тут хотя бы сразу видишь результат своего труда, всегда в тепле и при еде. Мечта. – Физрук громко вздохнул. – Немного порыбачу и начну думать, как пекарню открыть.

– А это будет коммерческое предприятие или социальное? – спросил Роберт.

– Все равно. Я готов работать за еду. Тем более что деньги не в ходу и никакой реальной коммерции не получится. А ты знаешь, что из жареной перловки можно кофейный напиток сделать?

– Да, слышал, а еще из желудей. – Роберт усмехнулся. – Тебя уже понесло в космос. Ты собрался кафе открывать?

– Почему бы и нет? Только представь: разруха, конец света, грязь, болезни, нищета, а на перекрестке улиц расположилось кафе, от которого во все стороны разносится аромат выпечки и свежего кофе. Ты понимаешь, какой позитивный заряд для людей это будет нести?

– Понимаю и даже хочу, чтобы такое кафе существовало, но думаю, реальной потребности в нем пока нет. Пока мы не выйдем на уровень, когда для удобства снова появятся деньги, никакой коммерческой целесообразности в нем не будет. Кстати, понятие «нищета» к современной ситуации тоже не подходит. Это сравнительное определение, а у нас пока еще все равны.

– И все равно тебе мою мечту не убить. По крайней мере, пекарню открою, а дальше – как масть ляжет.

– Буду твоим первым покупателем, – пообещал Роберт.

Дом, в котором жил Физрук с семьей, был восстановлен из развалин и находился раньше многоквартирного жилища Мартенсов. Супруга его, Елена, выскочила навстречу.

– Привет, Роберт. Ну, что обсуждали? – спросила она, сгорая от нетерпения.

– Завтра переезжаем к морю, – объявил Алексей. – Собирай вещи.

– Это шутка? – не поверила она.

– К счастью, нет. Нас внесли в список людей, которые займутся рыболовством. Так что ты теперь рыбацка, а я рыбак. – Физрук усмехнулся и обратился к Роберту: – Может, зайдешь на ужин?

– Нет, спасибо. Мои тоже сейчас ждут, и надо успеть собрать вещи. Давайте, до завтра. – Роберт пожал другу руку и кивнул Елене.

– Семье привет, – пожелал Физрук.

Роберт вернулся домой. В квартире пахло древесным дымом и готовящимся ужином. Мария шумела на кухне, переговариваясь с женами других жильцов.

– О, вернулся, – обрадовалась она появлению мужа. – А мне сегодня полкило гороха дали. Старый, зараза, вообще не разваривается.

– Ерунда, сгрызем. – Роберт усмехнулся.

– Как сходил? – Мария вытерла руки о передник.

– Хорошо. – Роберт показал взглядом, что надо обсудить это с глазу на глаз.

– Девчата, присмотрите? – попросила Мария.

– Конечно.

Они прошли в свою двухкомнатную квартиру. Роберт рассказал ей, что их определили в рыбацкую деревню, что он встретил знакомого, который был бригадиром там, и что завтра к восьми уже надо быть с вещами. Мария хоть и ждала это известие, но разволновалась.

– Вроде бы так и хотели, но что-то тревожно на сердце, – призналась она. – Прижилась я тут как будто, все знаю, а там что...

– И там приживемся. Шубу тебе справим, мне и Даниэлю унты новые, а то ходим в чем попало, грязь и снег лезет в обувь. Мужик этот, опять же, как знак мне, чтобы не сомневался. Все будет хорошо. – Роберт обнял жену, уютно пахнувшую кухней. – А помнишь, какой костлявой ты была, обнимать страшно?

– А ты сам-то какой был. Одни глаза остались да нос твой арийский.

– За то, что мы с тобой сейчас справные, и приходится платить частичной несвободой, – вывернул Роберт.

– Тебе бы только переговоры вести. – Мария посмотрела в глаза мужу. – Что поделаешь, куда ты, туда и я. Да я так-то уже настроилась, но чуть-чуть поплакаться нужно для облегчения души. Все-таки мы хорошо тут перезимовали, есть сожаление, что оставляем это место.

– Там будет еще лучше. Меньше народа, больше доверия. Говорят, туда отбирают лучших, а мы с тобой достойны только лучшего. – Роберт потискал жену. – А дети где? – поздно вспомнил он.

– Даниэль еще с работы не вернулся. Эмилия с подругами куда-то умотала, – доложила супруга.

– Не надо было ее отпускать. Пусть тоже собирает вещи и готовится.

– Дай ей с девчонками попрощаться.

– Так она что, уже знает?

– Нет, но мы же предполагали. Эмилия решила подстраховаться. А ты думал, наши разговоры слышим только мы с тобой. Соседи тоже в курсе. – Мария улыбнулась. – Пойду доварю этот горох, поедим и будем собираться.

– Иди, а я пока начну собирать вещи.

Роберт окинул взглядом семейное имущество. Его было совсем немного. Взял старую простынь, расстелил на кровати и стал складывать в нее одежду. Затем скрутил в узел. Проверил, как будет нести его до места сбора, и чуть ослабил узел, чтобы просовывалась рука. Личные вещи дочери и сына не трогал, оставив им право нести их самостоятельно. Осталась постель: пододеяльники, простыни и наволочки. Матрасы и одеяла считались казенными вещами, и их следовало оставить. Постель Роберт решил оставить на утро, чтобы не спать на

замызганном матрасе, пережившем многие страшные события, оставившие на нем пятна, о происхождении которых не хотелось знать.

– Роберт, идем ужинать, – позвала супруга.

Кроме Марии, на кухне никого не было. Женщины, чтобы не смущать пару, ушли к себе. В тарелке дымился гороховый суп с жареным луком.

– Так и не разварился, зараза, – призналась супруга. – Мне слишком поздно подсказали, что солить надо перед самым финалом.

– Не парься, мне сейчас горох в любом виде придется по душе. – Роберт поднес тарелку к носу. – Пахнет бесподобно.

– Ну попробуй, что твоя кулинарка сочинила. – Мария немного расстроилась, что испортила драгоценный продукт.

Роберт ел, причмокивал и нахваливал суп. Конечно, горох не разварился, но все равно был вкусным. При таком уровне разнообразия продуктов любое новое и одновременно хорошо забытое старое блюдо казалось безумно вкусным.

На входе раздался знакомый топот Даниэля, обивающего снег с обуви.

– Сынок, идем ужинать, – позвала его Мария.

– Бегу. – Он сбросил одежду и сразу прошел на кухню. – Ого, это что, горох?

– Да. Выделили сегодня из каких-то неприкосновенных запасов, – поделилась мать.

– Ни фиги себе, клашшно. – Даниэль в предвкушении потер руки.

– Ну, Роберт, расскажи новость, – попросила Мария мужа.

– А я уже жнаю. Роштик ошталша, рашштроилша.

– Жаль, что их не взяли. Но ничего, и там друзей найдешь, – попыталась успокоить его мать.

– Не жнаю, такого вряд ли. Мы ш ним не ражлей вода.

– Попросишься в обозы в Архангельск, будете видеться периодически, – предположил Роберт.

– Ну да. А может, их на шледующий щежон вожмут. Говорят, так бывает.

– Может быть, – согласился Роберт.

Ему было жалко, что Даниэль остался без друга. Ростислав полностью принимал его со всеми особенностями, а в новом коллективе снова придется доказывать, что твоя шепелявость – не повод для унижения. Сын при этом не выглядел сильно расстроенным, наоборот, он как будто был возбужденно радостен.

– Я мечтал плавать по морю, – признался он, уминая суп. – Чтобы вокруг было много воды.

– Ну, там не такое уж и море. Скорее, множество озер с протоками. Говорят, что реально там, где начинается море, одни льды, которые, как плотина, держат талую воду, – поделился отец.

– Блин, я бы хотел на это пошмотреть, – признался Даниэль. – Это должно быть так грандиозно.

Мария за его спиной закатила глаза.

– Чую, на одной рыбалке ты не остановишься, – произнесла она.

– А мы будем ходить до моря? – не унимался Даниэль.

– Я не жнаю. Наверное, это от улова зависит. – Роберт пожал плечами.

– Ладно, пошмотрим.

Эмилия пришла поздно. Ее ждали, не ложились спать. Мария с порога отчитала дочь.

– Мам, ну я же уеду навсегда. Мы с девочками из-за этого задержались. Их теперь тоже ругают, но вы должны нас понимать. – Эмилия хотела верить, что родители ее услышат.

– Понимаем. А еще знаем, что новости в Архангельске распространяются со скоростью света, – посетовала мать. – Иди ешь, собирай вещи, которые возьмешь с собой, и ложись спать. Завтра в восемь нам надо уже быть на сборном пункте.

– Ладно. – Эмилия пошла на кухню.

Успокоившийся возвращением дочери Роберт быстро уснул. Проснулся за минуту до срабатывания механического будильника. Отключил его и бросил в узел.

– Семья, подъем, – произнес он негромко, чтобы не разбудить соседей.

Глава 2

Предположения насчет того, что часть территории с вагончиками пострадала меньше остальных, подтвердились после полноценных исследований. Во время прохождения тектонической волны небольшой пятачок земли, примерно пять километров в самом широком месте, удачно сыграл на амплитудах, компенсировав колебания смятием южной стороны. Это позволило ему сохранить горизонтальное положение во время катастрофы со всеми приятными бонусами.

Форма пятачка напоминала форму ногтевой пластины. С юга ровная полоса из взгромоздившегося вала земли и примыкающая к ней дуга из расширяющегося к северу разлома. В самой дальней точке он достигал двухсотметровой ширины. К счастью, разлом не был глубоким и проявлял минимальную активность. Там иногда что-то происходило, но никакими сотрясениями земли эти процессы не сопровождались. Иногда поднимался пар. Видимо, там были теплые источники, с трудом пробивающиеся к поверхности.

С восточной стороны примыкающий к южному бугру разлом изобиловал множеством мелких разветвлений, которые начали рассыпаться. Зыбкая почва напитывалась водой и становилась непроходимой. Кроме того, там выходили наружу газовые пузыри, не позволяющие почве слеживаться. Место это сразу окрестили гиблым и старались туда не ходить.

Но в целом мирок на фоне остальных выглядел подарком судьбы. Вагончики-бытовки, полностью приготовленные для проживания, удовлетворяли общину из Тихого с большим запасом. Ничего лучше даже в самых смелых мечтах и представить было невозможно. Беспokoило только одно: как бы сюда не добрались жители из других поселений. Пенсионеры вряд ли бы сумели отстоять свое право жить в них.

Озеро с рыбой являлось второй причиной смотреть в будущее с оптимизмом. Горячая наваристая уха каждый день радовала новых обитателей. Они все меньше жаловались на здоровье, окрепли, избавились от простуд, заработанных на холодном складе, и активнее участвовали в жизни общины. Заготовка чистой воды и дров на зиму целиком лежала на них. Молодые Иван, Марсель и поправившийся Валера либо ловили рыбу, либо ходили за нефтью к ближайшему источнику, за десять километров от нового дома. Надо было успеть до зимы собрать приличные запасы жидкого топлива.

Первый снег не заставил себя долго ждать. В тот день Иван с Марселем вышли за нефтью. Простудившийся накануне Валера остался рыбачить. Неизвестно, какой могла быть рыбалка зимой на озере, поэтому решили подстраховаться и наловить впрок. Полина просилась прогуляться, но Иван не взял ее. Она в последнее время часто жаловалась на насморк, и ей нежелательно было морозить ноги.

Едва успели отойти от поселка, подул северный ветер. Тучи уже с утра намекали, что будут осадки. Дохнуло таким холодом, что сомнений, какого вида осадки намечаются, не осталось. Примерно на полпути их догнала снежная метель. Колючий ветер шумно бил в спину. Видимость быстро упала до нескольких шагов.

– Может, остановимся? – предложил Марсель. – Прوماхнемся ведь.

Иван хотел отказаться, думая, что старые ориентиры помогут ему выдержать нужное направление, но, не увидев их в ожидаемом месте, согласился поставить палатку. Кажется, они уже немного заблудились. Внутри палатки разожгли самодельный обогреватель, сделанный из корпуса аэрозольного баллончика. Он дымил, коптил внутри палатку, но это был самый доступный способ обогреться.

Метель неистовствовала до самого вечера. Палатку рвало ветром. Сухой снег громко барабанил в натянутую ткань. Иван выглядывал наружу. С каждым часом ландшафт менялся все сильнее. От тачки, на которой возили емкости с нефтью, из сугроба торчали только ручки.

В ночь метель стала затихать и окончательно успокоилась. Мужики выбрались из палатки посмотреть, как изменился ландшафт.

Теперь это была снежная пустыня с темнеющими сухими стволами высохших сосен.

– Похоже, отъездились, – решил Марсель. – Наша тачка по таким сугробам не пройдет.

– Да, надо возвращаться, – согласился Иван. Затея катать тачку по сугробам показалась ему слишком бесполезной. – Но придется заночевать здесь.

– В постели с женой, конечно, приятнее, но куда деваться. – Марсель уже привык ночевать вне дома.

Иван сходил до ближайших деревьев, нарубил веток, пока напарник готовил место для костра. Ужинали разогретой ухой. Небо очистилось от туч, выглянули звезды, и установился приличный для этого времени года мороз, не меньше пятнадцати градусов. Костра хватило ненадолго. Ветки быстро прогорели. Есть пришлось в полной тьме, грея ноги у тлеющих углей.

– Несмотря ни на что, уха вкусная и настроение прекрасное, – признался Марсель. – Нет ощущения, что если мы сейчас чего-то не сделаем, то скоро умрем.

– Да, на душе спокойнее, чем раньше. Для человека важно место, в котором не страшно бросить якорь. – Иван подул в ложку и задумчиво посмотрел вдаль. – Если не заглядывать слишком далеко, в те времена, когда наша одежда изнашивается или у кого-нибудь случится приступ аппендицита, то и желать-то лучшего не хочется.

– Это да, болеть при наших раскладах опасно. А с одеждой придумаем что-нибудь. Может, песцы размножатся, а может, олени появятся. Ты как думаешь, олени выжили?

– Думаю, да. По теории вероятности, кто-то из них должен был остаться.

– Выходит, оленеводы на коне. Для них ведь ничего не поменялось. Они себе и одежду пошьют, и обувь, и всегда с мясом, – рассудил Марсель.

– Вот ты и наметил нашу дальнейшую цель. Надо будет развести стадо оленей, – предложил Иван.

Он не особо представлял, где его взять и как разводить, но надеялся, что судьба непременно предоставит им такой шанс. Олени могли бы сильно разнообразить питание и повысить жизнеспособность общины. Тогда можно было бы приглашать к себе людей со стороны без страха остаться голодными.

– А ты вообще когда-нибудь обращался с ними? Я же не местный, но слышал, что твой отец ненец.

– Да, но кем он только не был: и оленеводом, и в город подавался на заработки. И я его не помню, и с оленями обращался пару раз, катался на санях. Это все. Генетически такие вещи не передаются.

– Ничего страшного. Сами разберемся. Я в детстве в деревне у дедушки с бабушкой овец пас. А они очень тупые животные, это тебе не коровы. И с оленями справимся, были бы только. – Марсель усмехнулся. – Вообще я не понимаю, почему нам так повезло.

– Ты про что?

– Про то, что мы – банда пенсионеров, которым жить осталось не так уж и долго. Почему мы нашли эту землю, а не другие, более перспективные люди? В чем вселенский замысел?

– Будущее покажет. – Ивана иногда тоже одолевали мысли о справедливости подобного подарка судьбы.

– Бу-у-удущее, – Марсель потянул слово. – Знать бы его.

– Было бы здорово.

Иван вдруг напрягся и привстал, потом резко бросился в сугроб и начал задвигать снег на шипящие угли.

– Ты чего? – испугался Марсель.

– Там люди, – тихо произнес Иван и показал пальцем.

В темноте едва заметно на фоне белого снега двигались черные фигурки. Они были так далеко, что постоянно исчезали из поля зрения, растворяясь во тьме, казались призраками, порождениями собственной фантазии. Марсель помог засыпать костер. Иван на этом не остановился. Сложил палатку, чтобы она не темнела на фоне снега, и лег.

– Ложись, – приказал он Марселю.

– А чего они ночью гоняют? – поинтересовался напарник, прикладываясь рядом.

– Я думаю, что они тоже попали в метель, но ночевать им негде, вот и пытаются идти, чтобы не мерзнуть.

– Что будем врать, если они на нас наткнутся? – спросил Марсель, выглядывая через снежный бруствер. – Надо бы сразу общую легенду придумать.

– Давай скажем, что мы из Тихого, бродим, ищем новое пристанище и попали в метель, – предложил Иван.

– А если они видели, что Тихого уже нет, и спросят, где остальные?

– А нам что, обязательно перед ними отчитываться? Мы не какие-то беглые, которых ловят. Вообще можем ничего не говорить. Нам, главное, не наследить в сторону дома, чтобы не привести их за собой. – Ивану показалось, что Марсель заранее чувствует себя человеком в позиции жертвы.

Фигуры остановились и стали копошиться. Они были слишком далеко, чтобы слышать их разговоры. Света звезд едва хватало, чтобы различить, что они делают. Кажется, они решили встать на ночлег.

– Другого места не нашли, что ли? Кругом такой простор, а им именно здесь надо, – возмутился Марсель. – Утром встанут и увидят нас точно. А если мы уйдем ночью, то увидят следы, поймут, что их видели, и пойдут за нами – полюбопытствовать.

– Если у нас нет хорошего варианта незаметно улизнуть, сами пойдем к ним и пообщаемся, – предложил Иван.

– Ты с ума сошел? – искренне удивился напарник.

– А что ты предлагаешь? Так мы сможем увести их отсюда, напугать, чтобы они больше носа не казали. Придумаем страшилку, расскажем, что потеряли людей в какой-нибудь жуткой аномалии, а теперь возвращаемся домой не солоно хлебавши и с плохими вестями, – предложил Иван. – Мне кажется, это намного лучше, чем удирать. Жертвы сами провоцируют погоню, когда показывают свой страх.

– Нестандартно мыслишь. Это, наверное, хорошо, – согласился Марсель. – Ладно, но говоришь только ты, чтобы я не испортил спектакль. Буду изображать потрясенного гибелью родственника человека.

– Хорошая идея, – оценил его роль Иван.

Компания людей разожгла костер. В его свете четче просматривались фигуры. Иван насчитал шесть человек. Он был уверен, что это самбургские или тазовские мужики, бродящие с исследовательскими целями. Практической пользы уходить так далеко от своих поселений он не понимал.

– Надо спать ложиться. Выспимся, а утром пойдем знакомиться, – решил Иван.

Он поставил палатку на место костра, привалил с боков снегом, чтобы тепло лучше сохранялось, и полез внутрь.

– Может, дежурить будем? – предложил Марсель. – Вдруг наведаются?

– Не наведаются, – уверенно заявил Иван. – Лучше выспаться хорошо, чем ждать неприятностей.

– Мне бы такие нервы. – Напарник еще некоторое время наблюдал за компанией незнакомцев, потом тоже залез в палатку.

Иван уже похрапывал в стенку.

Утром он проснулся до рассвета. Выбрался наружу. Ветер за ночь поменялся. Мороз ослаб, а воздух сделался более влажным. Первому снегу оставалось лежать недолго. Над белой поверхностью едва просматривались три конуса, не очень похожих на палатки. Иван достал холодную уху и попытался позавтракать ею. Она не замерзла, но была уже на грани. Он холодного завтрака стало еще холоднее. Он присел двадцать раз, сорок раз отжался, чтобы согреться.

В лагере незнакомцев появился человек. Он отошел в сторону справить нужду, прямо лицом в их сторону, разглядел Ивана и замер, не зная, как поступить. Хотя с момента катастрофы и прошло всего несколько месяцев, но люди уже с сильной опаской относились друг к другу. Голод и отсутствие правопорядка заставляли их видеть в каждом незнакомце потенциального разбойника.

Иван приветливо помахал рукой. Человек, выдержав паузу, помахал в ответ. Первый контакт состоялся. Теперь надо было готовиться к основному представлению. В лагере напротив началось движение.

– Марсель, подъем. Кажется, у нас сейчас будут гости, – предупредил Иван товарища.

В палатке началась активная возня.

– Уже идут? – взволнованно поинтересовался Марсель.

– Нет, тоже, как и ты, суетятся. Увидели меня и зашевелились.

Марсель показался наружу в криво натянутой вязаной шапке. Встал рядом и посмотрел на лагерь незнакомцев.

– Их много, чего они так зашевелились? – удивился он.

– Хороший знак. Люди с дурными намерениями старались бы выглядеть спокойнее, – решил Иван.

– Не придумал никакой новой брехни, чтобы я был в курсе? – поинтересовался Марсель, понемногу приходя в себя.

– Нет, все по-старому. Мы из Тихого, бродим в поиске удачного места для жилья. Потеряли чуть севернее двух человек, провалившихся под землю, потом попали в метель и теперь спешим назад, – вкратце описал легенду Иван.

– Хорошо.

Незнакомцы собирались еще как минимум полчаса. Ожидаемо от их группы отделились трое и пошли в сторону Ивана и Марселя. В руках одного из них было ружье.

– Так я и думал, что они вооружены, – произнес Марсель расстроено.

– Это еще ничего не значит. Им тоже страшно, – попытался успокоить его Иван и заодно успокоиться сам.

Высота снега на ровном месте достигала половины голени. Мужики ступали, высоко поднимая колени. Остановились за пару шагов.

– Не вооружены? – поинтересовался тот, что держал в руках ружье.

– Только нож, – ответил Иван. – Мы вам не собираемся причинять вред.

– Да мы тоже. А вы чего шлындаете по тундре, если не секрет? Откуда вы есть-то? – спросил вооруженный мужчина.

– Мы из Тихого. У нас там проблема, жилья не осталось, сдуло смерчем. Ищем, куда реально можно переехать. А вы откуда, самбургские? – спросил Иван, пытливо разглядывая каждого.

– Нет, мы из Уренгоя, – ответил мужчина, стоявший позади вооруженного товарища. – Уже недели две в пути. Снега этого совсем не ждали.

– А чего вам в Уренгое не живется? Я был там уже после катастрофы, поучаствовал в разборе завалов. У вас точно лучше, чем здесь. – Иван хотел услышать ответ.

– А ты же в курсе, что нас задрало, как нарывающий прыщ, после землетрясения? А потом в центре поселка, как раз под администрацией, началось извержение?

– Я как раз те завалы и разбирал, но потом ушел. Да, при мне там что-то полыхнуло, но я был уже не рядом.

– Полыхнуло, – хмыкнул вооруженный. – Половина поселка разлетелась в стороны, остальная часть обрушилась в образовавшуюся воронку. Всех поголовно контузило, кто выжил.

– Значит, кто-то выжил? – спросил Марсель.

– Выжили, конечно, но половина поселка в той дыре. Многие здания, пережившие пекло и землетрясение, разрушил взрыв. А в воронке сейчас клокочет и бурлит и вонь такая, что жить рядом нельзя. Если ветер дует от нее, сразу задыхаешься и горло саднит, – доложил вооруженный.

– А вы тоже ищите, куда перебраться? – догадался Иван.

– Ну да. Были в Самбурге – не приняли. Идем теперь в Тазовский, вдруг там народ добрее. А вы откуда идете? – спросил мужчина, стоявший позади вооруженного.

– Да мы тоже с самбургскими не нашли общего языка. Хотели, как и вы, дойти до Тазовского, но не смогли. Нарвались на провалы, двоих товарищей потеряли. Пытались обойти, но два дня пропетляли даром, везде дыры в земле. Сейчас возвращаемся назад, в Тихий. Начался снег, поставили палатку и решили переждать. – Иван посмотрел в небо. – Снег сойдет, грязно будет, вообще неподходящие для прогулок условия.

– Это точно. А вы чего с тачкой гуляете? – Мужчина с оружием увидел торчавшие из снега рукоятки.

– Да мы надеялись вернуться назад с какими-нибудь припасами.

– Понятно. Значит, до Тазовского дороги нет?

– Мы не нашли. – Иван развел руками. – Теперь еще и грустные вести принесем родственникам.

– А под снегом вообще ни одной ловушки не увидишь, – вставил свою фразу Марсель.

– Как же нам быть? – Мужчина с оружием оперся на двустволку. – Землянки рыть или иглу изо льда ставить? Вы как собираетесь зимовать?

– У нас есть зимний склад, – почти соврал Иван, поняв, что судьба Тихого людям неизвестна. – Там перекантуемся.

– У нас одна группа в Нур пошла, другая на юг, надеюсь, им повезет больше нашего. – Вооруженный мужчина обернулся в сторону своего лагеря. – Нам, наверное, будет по пути, идемте вместе.

– Да мы не спешим вроде. Тут где-то видели озеро с нефтью, надо найти, набрать, чтобы хоть что-то полезное привезти назад, – подсутился Марсель.

– Да мы таких озер по дороге штуки три точно видели. – Мужчина повесил ружье на плечо. – Ну давайте хоть позавтракаем вместе по-человечески да разойдемся, – предложил он.

Отказываться от приглашения было подозрительно.

– Давайте. – Ивану пришлось принять его.

Троица оставила их. Напарники гостей за это время успели собрать дров и развести огонь. Марсель посмотрел в сторону чужого лагеря.

– Вроде получилось. Теперь надо молчать, чтобы не проколотся. – Он очень волновался, что им не поверят.

– Постараемся не отклоняться от нашей легенды.

Они собрали вещи, откопали тачку и сложили их в нее. Колеса ее проваливались в снег полностью, поэтому она превратилась в корыто, сопротивлявшееся движению. Соседи сидели кружком у костра. В котелке на треноге варился завтрак. С первого взгляда не удалось понять, что за блюдо там готовилось. Что-то мутно-серое, похожее на воду после мытья посуды.

– Всем привет, – поздоровался Иван, окинув тех, кого еще не видел, внимательным взглядом.

Один из мужчин странно на него посмотрел, потом уставился на тачку.

– Ё-мое, так это же моя тачка. – Он поднялся и осмотрел ее. – Точно моя.

– Как твоя? – строго поинтересовался мужчина с ружьем.

Иван присмотрелся к бородачу, опознавшему свою тачку, и узнал его. Это был тот самый мужик, сменявший ее на продукты. Тогда он был безбородым и совсем не похожим на себя настоящего.

– Да я ее сменял на мешок риса у этого парня. Как раз через неделю после всего. Узнал меня? – спросил он у Ивана. – Как тесен мир, а? Даже приятно, что ты живой и тачка моя до сих пор в деле. – Он полез обниматься.

– Узнал. – Иван похлопал его по плечу. – А семья как твоя?

– Да нормально. Мы же на окраине жили. Как только начало трясти, спустились в подвал. А у меня там уже две подпорки стояли под потолок. Они и помогли пережить. Тряхнуло сильно, нас засыпало штукатуркой, обломками, но подпорки и стены выдержали. Выбрались наружу, мама родная, а вместо поселка кратер. И дома нашего почти не осталось. – Мужчина похлопал Ивана по плечу. – Это нормальный парень. Сменял гору продуктов на тачку, которую и есть-то нельзя. – Он усмехнулся. – Он точно из Тихого. Мы с ним общались на эту тему. Ты рыбак, кажется, да?

Видимо, разговоры о правдоподобности легенды шли среди них. Мужики сомневались в словах Ивана и Марселя.

– Да, я вашему предпринимателю рыбу соленую возил. – Иван обрадовался, что его узнали.

– А ты меня тогда из-за девчонок пожалел? – спросил знакомый.

– Из-за этого тоже. Ты ведь соседского ребенка приютил, меня это тронуло, – признался Иван.

– Видите, наш человек. – Знакомый снова постучал Ивану по плечу.

– Отлично. Очень рады, что встретили хороших людей, – произнес мужчина с ружьем. – Присаживайтесь, будем завтракать, чем бог послал.

Иван с Марселем присели у костра. Они не собирались так долго ходить за нефтью и еды взяли совсем немного. В котелке осталась подмерзшая уха, а в рюкзаке совсем немного сушеной рыбы. Ее Иван и достал.

– Моя фирменная, – протянул он рыбу главному.

– Ого, шикарно живете. – Тот взял ее, поднес к носу и глубоко вдохнул запах. – Мм, аромат прошлой жизни. Пивка бы полторашечку, – размечтался он. – А вы себе-то оставили чего пожарить?

– У нас есть еще немного ухи в котелке, но она замерзла, – ответил Иван.

– А у нас мучной суп. Прожаренная мука, горсть перловки, горсть крахмала и собачья кость для навару. Не побрезгуете? – с ехидцей поинтересовался главный.

– Нет, отчего же? Сейчас не те времена, когда приходится выбирать. Все гастрономические оргазмы остались в прошлом, – произнес Марсель.

На самом деле варево не вызвало у него аппетита, а после упоминания о собачьей кости так и вообще отбило. Но надо было показать себя таким же голодным, как и остальные, чтобы не злить. Суп приготовился быстро. Немного покипел, и стали разливать по мискам. У всех они оказались железными, выдавшими виды. У кого-то откровенно из ассортимента собачьей посуды. Но никто этого уже не стеснялся. У Ивана с Марселем тоже были железные миски из оставленной в бытовках посуды.

Повар разлил всем по половнику. Ивану попался лавровый лист.

– Ого, лаврушка, – удивился он.

– Ну мы же не собаки – без лаврушки хлебать, – пошутил повар. – Приятного аппетита.

Блюдо оказалось странным на вкус. Хорошо, что соленым, иначе есть его было бы совсем невозможно. Иван хлебал с аппетитом, не подавал виду, что ест бурдомагу из одного уважения. Отвлечься от супа ему помогали размышления. Он почувствовал себя виноватым. Наврав людям, что дорог до Тазовского нет, он, возможно, обрек их на голодную смерть. Вспомнил детей мужчины с тачкой, и стало еще хуже. Чувство вины застило все прочие благодетели, которыми он руководствовался, чтобы соврать.

– Класс. – Марсель допил остатки супа через край. – Интересное блюдо. Жаль, у нас ни перловки, ни крахмала нет. Да и собачьих костей тоже.

– Если хочешь, отсыплю. – Повар полез в свою сумку.

– Да ладно, неудобно, – отмахнулся Марсель. – Вам еще столько топать. Силы нужны.

Он даже покраснел. Ему стало жутко неловко перед людьми, что они всерьез посчитали, будто их суп может понравиться.

Иван ловил взгляд мужчины с тачкой. Тот, как назло, смотрел в свою тарелку. Наконец их взгляды пересеклись. Иван повел глазами в сторону, намекая на то, что хочет переговорить в стороне ото всех. Мужчина не сразу понял, но потом моргнул.

– Отлить надо. – Иван хлопнул себя по коленям и поднялся.

Он снова посмотрел на мужчину, у которого сменял тачку, – понял ли он. Тот ковырялся в своем рюкзаке. Иван отошел на несколько шагов, думая, как иначе вытянуть его на разговор.

– Эй, извини, не знаю, как тебя? – окликнул мужчина. – Я кое-что хотел спросить.

– Иван.

Мужчина догнал его. Они молча отошли еще на десять шагов.

– Ты чего хотел? – спросил мужчина заинтригованно.

– Короче, то, что я тебе скажу, только для тебя и ни для кого больше. Обещай молчать.

– Ладно, – неуверенно пообещал мужчина.

– В пяти километрах отсюда на север стоят три вагончика бытовки. Места в них там уже все заняты, но для твоей семьи мы найдем свободные. Но ни для кого больше. Если приведешь других, начнется война. От Уренгоя вдоль Пура дойдешь до Тихого, обойди справа, там бешеный вулкан. Потом снова вдоль Пура до самого Самбурга. Его тоже обойди стороной справа. Говорят, слева топи. А потом идите на северо-восток, пока не упретесь в высокий длинный вал. Спускайтесь по нему вниз. В километре будут вагончики. У нас есть еда кое-какая, поэтому берите только в дорогу. Если выдержите хороший темп, то за неделю придете. Заметные ориентиры после Самбурга – это оазис рядом с теплыми источниками, потом озеро из нефти. От него строго на север. Если встретишь песка, не пугайся, это наша Изольда. Она вас проводит куда надо.

– Песца? – удивился мужчина.

– Да. Пережила с нами катастрофу на складе, теперь мы – одна семья. Если не пойдете, не говори про нас никому, пожалуйста. Я предложил именно тебе из-за того, что ты хороший человек и детей твоих жалко. И на обратном пути уведи своих подальше от Тихого, чтобы не увидели, что мы там не живем.

– Хорошо. Спасибо, Иван. Честно говоря, неожиданное предложение.

– Да и вы тут появились внезапно. А тебя как зовут?

– Виктор.

– Будем ждать, Виктор.

Мужчины сделали свои дела и как ни в чем не бывало вернулись к костру.

– Ну что, расписались желтым по белому? – поддел их мужчина с ружьем. – Нет нигде природе от вас покоя.

– А нам от нее вообще одно беспокойство. – Виктор сел на свое место.

– Ну, посидели и хватит. Надо собираться. – Мужчина с ружьем поднялся. – Вы как, не надумали с нами возвращаться?

– Не, а что голяком-то идти. Надо как-то загладить плохие новости. – Иван тоже поднялся и осмотрелся. – Блин, из-за снега совсем ориентиры сбились. Марсель, вроде там было это озеро.

Марсель тоже изобразил активную умственную деятельность, рассматривая окрестности.

– Нет, мне кажется, в той стороне, – предположил он.

– Ладно, найдем. Такие места надо точнее запоминать. Хоть карту с ориентирами рисуй, как у пиратов, – пошутил Иван.

– Еще бы уметь их рисовать, – посетовал главный. – Ладно, рады были встрече. Если что, приходите к нам в Уренгой, вдруг мы нашли хорошее местечко, где всем будут рады.

– Непременно. – Ивану стало неудобно перед ними. – А что слышно насчет того, что южнее пекло было сильнее?

– Да ничего не слышно. К нам вообще никто не приходил. Поэтому мы и решили, что либо людей там не осталось, либо им так хорошо, что никуда идти не хочется.

– Ясно. – Иван вздохнул. – Без связи одни догадки.

– Это да. Приходится жить своим умом, а он не подает признаков жизни. – Главный рассмеялся. – Все, давайте, до встречи.

– До встречи.

Мужчины пожали по очереди друг другу руки и разошлись. Напоследок Виктор незаметно кивнул Ивану, словно принял его предложение. Шестерка ушла в южном направлении. Если они собирались его придерживаться, то развалины Тихого должны были остаться сильно в стороне от их маршрута.

– О чем ты с ним говорил? – поинтересовался Марсель.

– Я знаю этого Виктора. Он взял в семью соседскую девчонку, у которой погибли родители. Я обменял мешок риса у него на эту тачку. Мне совести не хватило не предложить ему прийти к нам.

– Не проболтается? – засомневался Марсель.

– Я сказал ему, что если приведет других, то будет война. Надеюсь, он сообразительный.

– Странно будет выглядеть, если они исчезнут из поселка молчком. Дураку хватит ума связать вместе ваш разговор и их исчезновение.

– Очень надеюсь, что их разведчики придут с юга с добрыми вестями и они забудут о нас. Тогда и исчезновение могут не заметить на радостях. – Иван развел руками. – Ну не мог я поступить иначе. Представить себе не могу, что я жирую, а дети умирают с голоду по моей вине.

– Ты прав, оскотиниться ради собственного комфорта легко. – Марсель взял в руки тачку. – А ты реально знаешь, куда нам идти?

– Да, вон туда. – Иван указал рукой в нужном направлении.

– Не пойму, как это тебе удастся? – удивился Марсель. – По мне, так обыкновенная снежная равнина во все стороны.

– Да нет же, там холм приметный, а там деревья, мимо которых мы уже ходили.

– Приметные без особых примет, – хмыкнул Марсель. – Ладно, Сусанин, веди.

– Ну пошли.

Незаметно юго-восточный ветер принес положительную температуру, и снег начал таять и оседать. Тачка больше не елозила на брюхе, а катилась, немного проваливаясь в уплотнившийся снег. След за нами оставался четкий.

– Хорошо, что он растает до завтра, – решил Иван. – Эти следопыты уже не смогут нас найти по нему, если мы поторопимся.

Пятно нефтяного озера темнело на фоне белого снега. Подойдя ближе, Марсель имел неосторожность провалиться в черную жижу. Снег у берега скрыл реальное начало нефтяной лужи.

– Черт, еще один вид ловушки.

Он поднял ногу со стекающей с нее густой жидкостью, скинул сапог и вылил то, что успело попасть внутрь. Снял штаны, стянул носок и отжал. Иван раскидал снег в стороны и окунул двухведерную алюминиевую кастрюлю в образовавшуюся полыню. Марсель прискакал босой, чтобы помочь. Одному Ивану не по силам было поднять и поставить такую тяжесть в тачку.

– Давай разожжем небольшой костерок, я хоть просушу вещи. Не смогу идти с ощущением жирной грязи на себе, – предложил Марсель. – Всего на полчаса.

– Сушить вещи, пропитанные нефтью? – Иван усомнился, что это хорошая затея. – Ну давай попробуем.

Участок земли очистили от снега, выдолбили в нем лунку и налили в нее литра три черного золота. Вначале разожгли факел из мха, пропитанного горючей жидкостью. Он сильно плевался и трещал из-за большого содержания воды, а лужа никак не хотела разгораться. Потом все же разгорелась и тоже стреляла во все стороны горячими брызгами.

– Не знаю, высохнет так что-нибудь или, наоборот, еще сильнее испачкается, – усомнился Иван.

Марсель был полон решимости довести дело до конца и стал сушить носок. Недоглядел, и тот сгорел у него за несколько секунд, обильно коптя черным дымом. Штанину он сушил с более безопасного расстояния, и ее удалось высушить. Жирное пятно осталось, но не было ощущения сырости.

– М-да, в сыром носке все равно лучше, чем совсем без него. – Марсель сделал пробные шаги в сапогах. – На портянки надо переходить. У нас там целая стопка казенных вафельных полотенец.

– Бабы не дадут, – предположил Иван.

– У баб судьба не давать, когда плохо просят. Нет портянок – не будет ничего: ни рыбы, ни топлива, – смело погрозил прекрасной половине общины Марсель.

Пока они собирались и отвлеклись, случился инцидент, которому нет прощения. Оттаявшие края ямки осели, и горящая нефть устремилась под свод снега, образовавшийся от тепла огня. До нефтяного озера от костра было всего несколько метров. Вспыхнувший на берегу огонь вначале удивил мужчин. Они замерли в ступоре, не видя связи между чадающим, догорающим огнем в маленькой луже и разгорающейся поверхностью озера. Только когда обвалился снежный свод, образовавший дорожку между ними, до них дошло. Иван бросился тушить огонь снегом, но это было бесполезно. Он распространялся все дальше, не реагируя на его усилия.

Пламя жарко разгоралось. В небо поднялся черный столб густого дыма, видимый на десятки километров вокруг.

– Сходили за топливом. – Марсель в сердцах сплюнул.

– Надо искать новое озеро. – Иван про себя выругался на напарника, понимая, что зимой за нефтью не находишься.

– И дался мне этот носок. – Марсель вздохнул. – Пошли домой.

– Пошли.

Глава 3

Мария хоть и знала о специфике жилья рыбаков, все равно оказалась в шоке. Она уже привыкла жить в почти нормальной квартире с кроватями. В ней не было окон, но они не спали на полу. А в чуме, выделенном семье Мартенсов, вместо кроватей возвышались топчаны на уровне десяти сантиметров от земляного пола. По низу гуляли самые настоящие сквозняки, и никакие ухищрения по затыканию дыр не помогали. В крыше дома имелась дыра для выхода дыма, а сквозняки являлись частью системы вентиляции и хорошей тяги. Без них можно было и угореть. Роберт с Даниэлем принесли с побережья крупные камни, которые держали тепло еще час после того, как погаснет огонь. Этого хватало, чтобы уснуть в относительном комфорте.

Роберт и дети относились к неудобству философски, но Марию подбешивало отсутствие ощущения нормального жилья. К тому же выяснилось, что скоро им придется переезжать, и каждая семья отвечает за сборку и разборку дома самостоятельно. Фирма, то есть община, занималась только организацией перевозки разобранного чума.

– Я как улитка, которая всегда носит домик с собой, – высказала она как-то мужу.

– Не вижу в этом ничего плохого, – ответил Роберт. – В случае необходимости переезжать куда-то еще у нас будет бесценный опыт постройки собственного жилья.

– Так это еще не финал нашего путешествия? – недобро удивилась Мария.

– Мы ничего не можем знать наперед, поэтому должны уметь многое делать своими руками и думать своей головой. Куда нас занесет в ближайшие десять лет, одному богу известно, – философски рассудил Роберт.

– Не, я не хочу жить с мыслями, что у нас все временно, как эта конура из шкур.

– Маш, вспомни, где ты жила последние два года до того, как мы сюда пришли. Что ты как бабка из «Сказки о рыбаке и рыбке»? Хороший чум, и работа у нас хорошая, и люди здесь приятные. Завтра с Даниэлем в первый раз выходим в море.

– Уже? – удивилась супруга. – Вы только неделю назад учились сети вязать.

– Тут такие университеты, расслаживаться не дают. Если ты тупой и не вникаешь, дуй назад в свой Архангельск чистить канализацию.

– А были такие?

– В нашем наборе не было, но говорят, в прошлом отбирала не Лада и попадались всякие, некоторых пришлось сдавать по гарантии. Ты просто еще не осознала своего счастья. Между нами буффер, защищающий от всякой швали. Помнишь, как мы мечтали о возможности работать и не бояться нападения? Вот, мечта сбылась.

– Тогда мы говорили о своей общине, в которой ты главный, – напомнила супруга.

– Без опыта из меня руководитель никакой. Надо снова подниматься вверх по карьерной лестнице, а тебе – набраться терпения. Хочешь быть царевной, поддерживай мужа, – посоветовал Роберт.

– Ладно. – Мария вздохнула. – Староватая я уже, чтобы снова проходить тот же путь.

– Да, ты превращаешься в занудную старушку, – поддел ее муж. – Придется выловить себе молодую русалку.

В чум вернулась Эмилия с крупным рыжим котенком на руках. В поселке было много кошек, питающихся отходами рыбного производства. Из-за доминирующего рыжего кота почти три четверти кошек и котят имели рыжий окрас. Животные чувствовали себя вольготно на обильных харчах, но работу свою знали. Периодические всплески мышинной активности они гасили на корню.

– Можно я возьму нам котенка? – спросила дочь. – Он выбрал меня.

– Конечно, – сразу разрешила мать.

Содержание кошек больше не являлось проблемой. Мало того, что животные сами заботились о собственном пропитании, так никто больше не возмущался прилипшей к одежде шерсти или аллергии. С кошкой, облюбовавшей конкретный дом, даже спалось спокойнее. Она гоняла мышей, лезущих в тепло, а когда кто-то заболел, как грелка, жалась к больному, словно хотела поделиться собственным здоровьем.

Жили в поселке и две собаки, кобели, которым мечтали найти пару. Эти несли охрану поселка, правда, лениво. В первый год освоения поселка, когда порядок еще не сложился и можно было нарваться на лихих людей, они вовремя предупредили об опасности лаем, и рыбаки отбились от небольшой банды. Между людьми и животными сложилась та первоначальная гармония, когда все друг в друге нуждались, в отличие от докатастрофных времен, когда животные превратились в декор.

– Как его зовут? – поинтересовался Роберт у дочери, укладывающей котенка на свою сторону топчана.

– Если девочка, то Мурка, если мальчик, то Ганс.

Роберт прыснул от смеха.

– Почему Ганс?

– Мне Лиза сказала, что кот, как и мы, немец, потому что рыжий. И мы придумали ему имя – Ганс, – объяснила Эмилия.

– Какие мы, к черту, сейчас немцы? – Роберт присел рядом с котом и провел пальцем ему по спине. – Все наши национальности остались в прошлом. Мы все теперь – один новый народ.

– Что, пап, если он мальчик, то назвать его по-другому? – Эмилия так поняла слова отца.

– Нет, пусть остается Гансом. Отличное имя для кота. – Роберт погладил его между ушами.

Разомлевшее от ласк животное по-хозяйски вытянуло лапы и замерло.

Утром Роберт и Даниэль вместе с остальными мужчинами явились на берег, откуда должно было начаться первое практическое занятие по ловле рыбы. Обучение проводил сам Захар. Он лично желал видеть, кто и на что способен.

– Так, мужики, вот эта спокойная бухта кишит рыбой, но мы отсюда ее не ловим на еду, а только тренируемся. Это наш питомник и тренажер одновременно. Мы будем показывать вам, как травить сеть, кто какую работу в моменте выполняет, и наблюдать за результатами. Рассаживайтесь в лодки и отправляйтесь за нами. – Бригадир и два молодых парня-помощника ловко столкнули лодку в воду и запрыгнули в нее.

Роберт находился в одной команде с Даниэлем и Емельяном, сыном посла в африканской стране, который так и не успел вернуться на родину. Мать умерла от болезни еще в первый год бродяжничества. Емельян остался сиротой. Он был на два года старше Даниэля, но по виду казался даже младше. Сказывалось еще более скудное питание, как у человека, который везде являлся лишним. Роберт усадил ребят в лодку и столкнул ее в воду. Набрал в оба сапога воды, пока пытался запрыгнуть. Но у других это упражнение получилось еще хуже. Физрук своей массой перевернул лодку вместе со своим экипажем.

– Да, ребята, изящества вам пока не хватает. Прыгать надо с кормы, а не с борта, – посоветовал Захар.

Он дождался, когда все экипажи приведут себя в порядок, и отплыл на середину бухты. С зимы в ней еще остались крупные льдины. Захар пристал к одной из них.

– Разбиваетесь на пары, – порекомендовал он. – Чтобы не перевернуться снова от хорошего улова, вы должны разделять вес добычи между двумя лодками. Желательно, чтобы рядом была льдина, так один из рыбаков сможет веслом удерживать лодку от излишнего крена.

Его молодой помощник изобразил, как надо подсунуть весло под льдину, чтобы лодка не перевернулась. Захар, или первый номер в экипаже, со вторым номером сбросили сеть за борт. Подождали минуту.

– Начинаем травить сеть. Вначале медленно, чтобы понять, насколько легко она идет. Не спешим, тянем-потянем. – Она вынули сеть, сложенную пополам.

В ней серебрились несколько рыбок. Умелые рыбаки вывалили их на дно лодки, огороженное деревянными переборками, чтобы не топтаться по рыбе.

– Теперь третий номер начинает колоть лед и закидывать им свой улов, – пояснил Захар.

Его помощник достал самодельный колун, похожий на кирку, и стал откалывать куски от льдины. Собирали их сачком и высыпали прямо на рыбу. Все движения у опытных рыбаков были красивыми, отточенными и казались простыми. Продемонстрировав, они выбросили рыбу и лед за борт.

– Занимайте места у льдины, – распорядился Захар.

Управление лодками еще оставалось неуверенным. Места занимали долго, сустились и бились друг о друга. В экипаже Роберта сын был третьим номером. Это ему досталась роль гребца, кольщика льда и удерживателя равновесия. Даниэль быстро почувствовал лодку и мягко пристал ко льдине, в то время как вокруг творился хаос. Захар заметил его результат и одобрительно кивнул Роберту.

– Травим сети и пытаемся не свалиться за борт. Запомните: если упадете в воду, первым делом срываете спасительный поплавок и только потом начинаете барахтаться, – напомнил бригадир.

Поплавок делался из пенопласта с прикрепленной к нему трехметровой капроновой нитью, из которой вязались сети. Глубина бухты редко где превышала три метра, и потому упавший за борт и пошедший ко дну рыбак мог пометить свое место и дать шанс вытащить его и откачать.

Роберт и Емельян сбросили в воду аккуратно смотанную сеть. Даниэль в это время поддел веслом льдину и делал вид, что удерживает равновесие, хотя потребности в этом пока не появилось. Сеть в рабочем состоянии напоминала советскую авоську, но с более широким «горлышком». Во время настоящей рыбалки ее требовалось тянуть за собой, чтобы зацепить косяк сельди или просто набрать случайных рыбешек. Здесь же пока отрабатывались первые навыки обращения с ней.

– Тянем! – отдал Захар команду, выдержав паузу.

Рыбаки начали вытягивать сеть. Даниэль уже не в шутку уперся веслом под льдину. Лодка кренилась на один борт под весом двух человек и намокшей сети, вероятно, еще и с уловом.

– Ловись, рыбка, мала и велика, – напевал Роберт.

Они затащили сеть в лодку, и там оказалась одна рыбка, но довольно крупная.

– Желтая, – пошутил Даниэль.

– Не стоим без дела, колем лед, – приказал бригадир.

– А если у нас ничего не поймалось? – спросил кто-то.

– Без разницы, нужно выработать автоматизм действий. Колем лед.

Даниэль взял кирку и начал отбивать от льдины куски. Выловил их сачком и бросил на единственную рыбу, бьющуюся на воздухе.

– Отпускаем учебный материал в воду. Хватит с них стресса на сегодня, – распорядился Захар. Выждал, когда его приказание исполнят. – В целом неплохо. Никто в воду не свалился – уже хорошо. Быстрее всех работала команда Мартенса. Но у нас тут не соревнование на скорость, поэтому стараться быть первыми не надо. Главное, все делать правильно, развивать сноровку и вовремя включать мозги. Проведем еще три повторения и сделаем перерыв.

Напуганная активностью рыба ушла подальше от лодок, и в следующие тренировки никто ничего не поймал.

– Это вам для размышления, как ведет себя рыба, если вы надеетесь ловить ее, не сходя с места, – обратил внимание будущих рыбаков Захар. – В целом вроде неплохо. Старание есть, а опыт наберется. Многие из тех, кто пришел сюда года три назад, вообще понятия не имели

о рыбалке. У них море ассоциировалось только с пляжем, пивом и бездельем. А сегодня они – мастера своего дела. И вы такими станете.

Ученики вернулись на берег. Снова набрали воды в сапоги, но лодки никто не перевернул.

– Вечером будем ремонтировать старые сети и учиться плести новые. Через три дня начнется путина, надо успеть подготовиться. А еще будем учить карты островов. Опытные рыбаки даже среди ночи могут встать и в полной темноте указать направление на каждый из них. – Захар чаще всех смотрел на Роберта – как на старшего.

– А зачем знать острова? – спросил Емельян.

– Затем, что ночевать в лодке – не самый лучший вариант. Нужна качественная ночевка, нормальный горячий ужин, сон в палатке, и самое главное – это периодические наводнения. Сейчас солнце окончательно выберется на лето, и начнутся прорывы ледяных дамб. Неприятная вещь, неожиданная и довольно опасная. Как я уже говорил, вода из Двинской губы уходила почти полностью, но потом начала возвращаться. Эта бухта появилась весной три года назад. Когда мы сюда пришли, здесь было голое дно. Мы еще не знали, что вход со стороны Белого моря закрыт льдами. Свободно рыбачили в разломах, пока не случился первый прорыв. От волны из ледяной каши не больно спасешься. К счастью, мы заметили ее вовремя и поднялись на возвышенность. Так и спаслись. С тех пор знаем: хочешь выжить во время внезапного наводнения, держи в уме все острова поблизости.

– А как понять, что идет волна? – поинтересовался Роберт.

– Северный горизонт становится дымчато-серым. Воздух сгущается, и конденсируется влага. Если день ясный, то это самый верный признак. Волна перед собой гонит холодный воздух. Любой внезапный порыв холодного ветра должен вызывать подозрение. А когда волна уже в поле зрения, то ее ни с чем не спутаешь. У нее есть светлый гребень, ну и видно, что она набегают. Тогда у вас остается минут пять, чтобы доплыть до берега и затащить лодки.

– Что-то мне эти рассказы нравятся все меньше и меньше, – тихо признался Физрук. – Я не рыбачить буду, а вертеть головой, каждую секунду ожидая наводнения.

– А кто-нибудь видел льды в Белом море? – спросил Даниэль, заслушавшийся рассказами опытного рыбака.

– Да, мы ходили зимой до самой Мезенской губы, посмотреть, чего нам ждать следующей весной. Белое море сейчас выглядит как огромный торос, нагромождение льдов, озер между ними. Все это еще и находится в постоянном движении, потому что лед на плаву. Шум от трения стоит страшный, особенно в приливы и отливы.

– Значит, по морю нельзя ходить? – спросил Физрук.

– Ходить можно ногами, но на лодке нет. И ногами опасно, потому что лед зыбкий, и льдины постоянно трутся краями друг о друга.

– То есть наводнения будут случаться еще очень долго? – сделал свои выводы Роберт.

– На нашу жизнь хватит. Я думаю, что весь Северный Ледовитый океан сейчас покрыт панцирем из льда, и это на столетия. Успокоится, только когда вода опустится до нормального уровня мирового океана, – предположил Захар. – Так, ну ладно, хватит лясы точить. Развешивайте сети на сушку, и в шесть вечера жду вас снова.

Бригадир ушел по своим делам. Новички принялись обсуждать новую информацию.

– Опасная работа. Мало того что холод и сырость, так еще и эти наводнения, – посетовал мужчина не из общины Роберта. – Если что, переведусь назад в Архангельск. Уж лучше картошку полоть и копать без всякого риска.

– Отварную картошечку бы с малосольной селедкой, – размышлял Физрук. – А ты слышал, что те, кто вернется, сами выбирать свою профессию не смогут? Говорят, таких золотарями отправляют работать. Чужое дерьмо возят.

– Байки это, чтобы вы не рыпались, – ответил мужчина. – Отправляют туда, где нужнее всего. А сейчас сельское хозяйство надо возрождать. Одной рыбой сыт не будешь. К тому же зерно и картошку хранить проще и урожай гарантированнее. Помните из истории, почему люди стали активно расселяться из Междуречья? Потому что занялись сельским хозяйством и народ на постоянном питании стал массово размножаться и уже не мог поместиться на небольшой территории. Все племена, населявшие Европу и занимавшиеся охотой и рыбалкой, они выдавили на север.

– Прямо как нас, – со смехом заметил Физрук.

– Мужики, я думаю, ныть рано. Да, напугали, чтобы слабые свалили. Я узнавал: за три года погибли двое рыбаков, и те от собственной жадности. Давайте учиться профессии серьезным образом. Эти все варианты про запас, а «если мне не понравится, то я уйду» – это же не для настоящих мужиков. Хотя немного приложите сил, упорства, чего сразу возбуждаться от одной страшной истории? Туда-сюда не набегашься. По мне, так очень познавательная профессия. Тут у нас есть чистейшая вода, кладезь витаминов в водорослях, белка и жира – в рыбе. И мы последние, кто может пострадать от нападения залетных разбойников. Работай и работай, посматривай в сторону горизонта на всякий случай и от островов далеко не отходи. – Роберт решил, что его слово будет иметь значение для большей части коллектива.

Его совет немного уязвил мужика, собравшегося податься назад в Архангельск.

– Каждый должен думать своей головой, – выпалил он.

– Да, каждый должен думать своей головой, но решения лучше принимать исходя из коллективной пользы. Мы тут не общество ярких индивидуальностей, уникальных художников, каждый их которых видит по-своему, а рыбаки, у которых задача – накормить как можно большее количество людей. Одна общая задача на всех, понятная и простая, – спокойным тоном высказался Роберт.

– Посмотрим. – Мужчина не смог окончательно отступить от своей точки зрения и оставил себе лазейку.

– Остались еще в тебе ораторские умения, – заметил Физрук. – Я сперва был за того мужика, а потом сразу за тебя стал. Ты оказался убедительнее.

– Раньше мои ораторские умения были нужны, чтобы заткнуть паузу, а сейчас от них реальная польза. – Роберт помог сыну повесить мокрую сеть на деревянную раскосину. – Ну, пацаны, а вы что думаете про рыбалку?

– Нормально, – ответил Даниэль.

– Пока ничего, весело. – Емельян пожал плечами – Когда рыба будет ловиться, станет еще веселее.

– Вот именно, настоящая рыбалка – это азартное мероприятие. Уж точно веселее, чем копать картошку или убирать пшеницу.

– Да, наверное, – неуверенно согласился Емельян.

Вечером, после обучения восстановлению сетей и плетению, Захар оставил Роберта, чтобы переговорить с глазу на глаз.

– Мне сказали, как ты с тем баламутом расправился, – доложил он, показав свою прекрасную осведомленность. – Нам такие кадры, честно говоря, не нужны. Мы с ним распрощаемся, какое бы решение он сам ни принял. Пусть думает своей головой, что хочет, но в другом месте.

– Вам виднее. – Роберт пожал плечами.

– Да, я тут много раз ошибался с людьми, давая им второй шанс, и всегда получалось, что зря. Из дерьма пуля никогда не получится, но, чтобы понять, кто есть кто, нужно ждать, пока они не проявятся. Жизнь нас всех закалила, отличить крепкого человека от мягкого получается не сразу. Все кажутся суровыми с первого взгляда.

– Вы меня попросили остаться из-за этого? – Роберт понял, что причина не только в том мужике.

– Я вижу, что опыт работы с коллективом у тебя большой, наверное, больше моего. А язык-то точно лучше подвешен. Я человек рабочий, мне лучше на лодке в море ходить, чем тут вертеться волчком от одной проблемы к другой. Давай я тебя немного поднатаскаю по всем аспектам, и мы разделим наши обязанности. Ты будешь в поселке рулить, а я рыбаками. Думаю, Первый не осудит нас за такую самостоятельность. – Захар с надеждой посмотрел на Роберта.

– Ну, я не думал об этом. А какие обязанности на берегу? – В душе Роберт был даже рад, что ему предлагают более привычную работу.

– Подготовка улова к транспортировке. Лед, соль, телеги, емкости и все такое. Сам будешь созваниваться с заводом, когда им присылать транспорт, отправлять и принимать претензии, если что не так. Брак продукции, опять же, если будет, можно не выбросить, а себе взять.

– Так потом люди и привыкают сидеть на руководящей должности, – усмехнулся Роберт.

– Поверь, это такая руководящая должность, что доедать брак – не такая уж и привилегия. Работы много, а стимулов, кроме совести, никаких. Поэтому говорю как есть. Никто на нее не стремится попасть, потому что не дураки, и, честно говоря, хороших руководителей – раз два и обчелся. Это на кухнях они все из ума сшиты, а как настоящего дела коснется, язык в одно место и молчат или блеют в лучшем случае. Сейчас можешь не отвечать, Роберт, даю тебе сутки на раздумье. Если думаешь связать свою жизнь с этим местом надолго, то лучше вложиться в него с самого начала, чтобы скорее стала видна отдача. Идет? – Захар протянул мозолистую руку.

– Я завтра отвечу, – пообещал Роберт. – Я тут человек новый и немного не в теме. Так сразу на ответственный пост.

– Быстрее разберешься. Я помогу во всем, пока в море не вышли, – предупредил Захар. – Я заметил, что сын тоже в тебя, толковый, обучаемый. Не пропадете точно.

– Спасибо. Ну, до завтра?

– До завтра.

По дороге до своего дома Роберт обдумывал предложение. Он знал, что справится на этой работе. Управление коллективом и оптимизация работы всегда приносили ему моральное удовлетворение. Он чувствовал, что идет по призванию и получается красиво и легко. Однако понимал, как много придется на себя взвалить. Труд обыкновенного рыбака тоже был нелегким, но в плане ответственности и разнообразия выполняемых задач абсолютно не сравним с руководящей должностью.

Мария ждала его у входа, сидя на коротком пне и греясь в лучах заходящего солнца. Рядом развалился то ли Ганс, то ли Мурка и шурился на солнце.

– Даниэль сказал, тебя бригадир задержал? – Мария приготовилась слушать.

– Представляешь, Захар хочет уйти на всю путину в море, а меня оставить руководить хозяйством. Устал, говорит, совмещать. – Роберт взял кошку на руки. – Дал сутки на раздумье.

– Это же хорошо, Роберт. Мне будет намного спокойнее, если ты не станешь плавать на этих смешных лодчонках, которые могут перевернуться от самой маленькой волны. Еще бы и Даниэля пристроить на суше, и было бы просто здорово. – У Марии были собственные причины желать того же, что и муж. – А в чем заключается работа?

– Вот с этого и надо начинать. В основном заботиться о том, чтобы улов своевременно и в надлежащем качестве отправляли в город, принимать претензии, если что-то напортачили, общаться с тамошним начальством по рации. Короче, все, чему я учился по жизни.

– Значит, ты уже все решил, – поняла супруга. – А почему сразу не согласился?

– Мало ли? Народ меня не знает, авторитета нет, с тонкостями и нюансами работы тоже не знаком. Придется набивать шишки, делать глупости, пока не погружусь в работу полностью.

– Ты справишься, Роберт. Я буду тебя поддерживать. – Мария поднялась и поцеловала мужа. – Ты есть хочешь?

– Конечно. Уха?

– Из колхозного петуха. – Мария рассмеялась. – Горсть пшена досталась, так что уха прямо-таки классическая.

– Аж ложка стоит? – спросил Роберт.

– Ну не настолько.

На следующий день Роберт снова проходил обучение, как и все остальные молодые рыбаки. Захар вида не подавал насчет вчерашнего разговора. У Роберта даже закралось подозрение, что он передумал или же поговорил с Первым и тот не одобрил разделение власти. В этот день занимались по более сложным вводным. Бригадир заставил ведром, которым отчерпывали воду, залившуюся во время высокой волны, наоборот, набирать ее в лодку, изображая опасную ситуацию. Приходилось одновременно рыбачить, держать равновесие и выливать за борт воду, что должно было напоминать рыбалку во время сильного ветра. От ледяной воды покраснели ладони и одеревенели пальцы. Ими не получалось распутать сеть или развязать узел.

– Что, замерзли? – Бригадир заметил, как мужики суют красные ладони под одежду. – Лучший способ согреться – это грести. Когда штормит, стоять опасно, надо двигаться против ветра, поперек волны. Вообще мы не рыбачим при сильном ветре – рыба плохо идет, да и опасно, но иметь представление о чрезвычайных ситуациях необходимо.

Захар все же сжалился над новичками и больше не требовал заливать лодки водой. Оттачивал наше умение забрасывать сеть, правильно ее вытягивать, чтобы не путалась. В его руках все получалось легко, без усилий, но на то он и профессионал. Повторить за ним с первого раза не получалось, и потому сети запутывались, рыба в них не попадалась, а лодки врезались друг в друга. Потом у Физрука сеть зацепилась за что-то на дне и никакими усилиями не хотела срываться.

– Странно, мы на этом месте уже много раз бросали, и ничего не цеплялось. – Захар почесал голову. – Придется кому-то нырять.

– Нет. – Физрук решил, что нырять придется ему, как виновнику.

– Ну не тебе, конечно, ты еще молодой. – Захар помахал рукой в сторону берега.

Через десять минут подплыла лодка с опытными рыбаками. Они, естественно, бросили на новичков укоризненный взгляд.

– Ну как так можно, а? – спросил один из них. – А если у меня насморк?

– Ребята попарят тебя в бане, – пообещал ему Захар.

– Не надо ребят, пусть девчата парят, я тогда буду каждый день нырять, – предложил рыбак.

– Вы понимаете, да, почему этот персонаж не остается на берегу, пока мы в море? – подел его бригадир. – Сладкоежка.

Мужчина скинул с себя одежду и прыгнул в серую холодную воду без всяких прелюдий. Его не было с минуту. Веревка дергалась, пока он пытался снять зацепившуюся сеть. Потом она замерла и через секунду появился фыркающий рыбак. Ловко запрыгнул в лодку.

– Тяните, – разрешил он.

Оделся за несколько секунд и присел на корточки, обхватив себя руками. Зубы его отстукивали чечетку. Физрук вытянул сеть и бросил на дно своей лодки.

– А за что она зацепилась? – спросил он.

– Железяка какая-то старая. Ржавчина с нее отслаивается. – Мужчина показал испачканную в рыжем налете руку. – Или корпус какого-то небольшого судна, ушедший глубоко в землю, или сюда во время землетрясения принесло что-то с берега. Габариты не определил, но штука явно затянута песком. В следующий раз не надо тут бросать сеть.

Опытные рыбаки уплыли. Бригадир сделал пометку карандашом в старом блокноте с пожелтевшими листами относительно предмета в воде.

– Иногда трясет у нас, и мне кажется, что эту штуку выдавило наружу, но перед этим она провалилась в расщелину. Тут их было много раньше, а сейчас песком затянуло. Но пузыри нет-нет да пробиваются на поверхность, особенно когда тряхнет. Опасная вещь на самом деле. Если под лодкой пузырь поднимется, она может в долю секунды уйти под воду. А раз железяку такую вывернуло, значит, снизу хорошо поддавливает. – Захар убрал блокнот в карман. – Ладно, скоро все равно переезжать отсюда.

– Почему? – спросил Физрук.

– Знаешь, что такое севооборот? – спросил бригадир.

– Примерно. Это когда одни поля засевают, а другим дают отдыхать.

– Вот, у нас так же. Популяции рыб еще не восстановились, надо давать им возможность размножиться. Мы же должны думать о будущем. К тому же тут не самая удачная бухта, тюленей рядом нет. Движение – это жизнь.

– Я чувствую, как эта самая жизнь пытается превратить меня в цыгана, у которого нет дома, только путь, – повздыхал Физрук.

– Мы как хищники мигрируем за пищей, а в домах живут травоядные, выращивающие растения, – почти серьезно заявил Захар. – Выбирай, кто ты есть.

– Хищник, – выбрал Физрук. – Полярный волк.

Второй день обучения подошел к концу. Когда все разошлись, Захар обратился к Роберту:

– Ну что решил?

– Я принимаю ваше предложение.

– Давай с этой минуты на «ты». Спасибо, Роберт. Я был уверен, что ты сделаешь правильный выбор. Каждый должен заниматься своим делом. Рыбаков хороших много, а руководителей нет. Идем, покажу, что у нас за рация. У меня как раз сеанс связи с директором рыбозавода.

– Брр. – Роберт передернул плечами.

– Что, замерз? – не понял его реакции Захар.

– Ассоциации с этим заводом не очень. Мне и сыну там пришлось померзнуть зимой.

– Ну, что поделает? Работу кто-то должен выполнять.

Они подошли к чуму, где жил Захар. Он был холост, но поговаривали, что к нему захаживала одна дамочка. Почему они не жили вместе, Роберт не представлял. Из крыши чума торчала антенна из нержавеющей сплава. Захар пропустил вперед себя Роберта и сразу разжег внутри огонь из заранее сложенных чурбачков.

Рация представляла собой собранный из всевозможных деталей аппарат. Крепились они на куске фанеры и были соединены между собой тонкими проводочками в пластиковой оплетке. Источником питания служила динамомашина, вращаемая рукояткой.

– Умельцы из города собрали. Шесть номеров, на которые я могу дозвониться: Первый, директор рыбозавода, глава аграрного отдела, глава отдела безопасности, начальник складов и логистики и больница. Честно говоря, туда я не звонил ни разу. Вот по самому натертому переключателю ты сразу поймешь, кому я звоню чаще всего.

– Директору рыбозавода. – Роберт заметил следы частого использования на переключателе.

– Именно. Еще Первому звоню часто, но все равно не так. Но сегодня нас интересуют склады и транспорт. Препротивнейший мужик Сидоров Сергей Михайлович. Я зову его про себя Сидором. Как и положено кладовщику, ничего не выпросишь у него. Такое ощущение, что все, что он принимает на хранение, автоматически становится личным имуществом, с которым он не может расстаться. Может быть, у тебя с ним выстроится диалог. – Захар присел пониже,

чтобы не дышать дымом, и принялся накручивать динамо. Светодиодная лампочка с красного переключилась на зеленый. Конденсаторы зарядились на полную. – Ну, Господи, благослови. – Он поднес трубку к уху и повернул переключатель. – О, Сергей Михайлович, как жизнь, как здоровье? Зима закончилась, скоро у нас снова объемы вырастут. Как у нас с транспортом?

Голос собеседника слышался достаточно громко.

– Приветствую, Захар Юрич. Работаем, готовимся к сезону. Тут у меня крестьяне телеги из ноги ломают, говорят, Семёна надо возить на поля, а осенью так вообще несвозный урожай ожидается. А у нас в прошлое лето три телеги новые в строй ввели, а две сломались, считай, только одна и добавилась.

– Я понимаю тебя, Сергей Михайлович, но моя рыба хранится мало. Хочешь не хочешь, но транспорт нужен. Ты же помнишь, что сани готовят летом, а телеги зимой. Через десять дней первая партия улова будет.

– Уже? – удивился собеседник. – А я же... Да как же так, а?.. Где же я вам всем возьму? А тут еще эти события...

– Какие события? – спросил Захар.

– А ты что, не слышал? Ах да, вы же там сами по себе. Вчера вечером на южный пост напали. Трех бойцов убили, захватили оружие, патроны и скрылись. Наши отправили погоню. Говорят, что нападавшие не сбежали на юг, как обычно, а пошли на север, обходя город по восточной дуге. Так что и вам там лучше не дремать.

– Да им сюда в обход неделю идти. Они по дурости могли той дорогой пойти, от незнания, там одни топи. И что им тут надо?

Захар даже и не думал волноваться. Мало ли какой план был у бандитов. Они могли специально водить преследователей за нос. Углубляться на территорию самой сильной общины – гарантированная гибель. Только местные знали надежные тропы.

– Откуда мне знать, что им надо? Не моя забота. Будут тебе три телеги через десять дней с емкостями по триста литров. Хватит? – спросил главный кладовщик безо всякого интереса.

– Ну если рыбалка не попрет, то хватит. – Захар был рад и этому количеству.

Если улов будет удачным, можно то, что не влезет в бочки, переработать для себя.

– Тогда удачного клева, и жду звонка.

– Постой, Сергей Михайлович. У меня тут заместитель появился. Его зовут Роберт Яковлевич. Я оставляю ему организационные вопросы, а сам ухожу в море. Так что звонок будет от него.

– Что, задолбался, Захар Юрич? А мне бы зама, чтобы транспортом занялся. Терпеть не могу эти телеги, сани и оленей. Ладно, буду знать. Все, давай, некогда болтать.

– До связи. – Захар повернул переключатель. – Вот такой этот тип, Сергей Михалыч. Это еще он в настроении был.

– А что, часто происходят нападения на посты? – Роберту больше всего запомнилась эта часть разговора.

– Бывают. Но мы тут мало касаемся этого. Слишком далеко, и новости до нас туго доходят.

– А оружие у вас имеется на всякий случай? – поинтересовался Роберт.

Бригадир подошел к своему топчану и поднял его. На земле лежали автомат Калашникова с отстегнутым магазином и собранные в тряпочный узелок патроны. На вид не больше двадцати штук.

– Да уж, на серьезный замес такого не хватит. – Роберт вздохнул.

– А ты бывал в замесах? – с недоверием поинтересовался Захар.

– Приходилось.

– Ну раз так, то я оставляю тебя с еще большим спокойствием, чем раньше. – Бригадир похлопал Роберта по плечу. – Я даже не знаю, стреляет эта штука или нет.

– Обязательно проверю. Отдам сыну, он большой любитель приводить оружие в идеальное состояние.

– Вот и отлично. – Захар отдал автомат Роберту. – Вещь должна быть в руках того, кому она принесет больше пользы. Посвящаю тебя в заместители и передаю символ власти. Действуй.

Глава 4

Выпавший снег снова растаял, образовав непролазную грязь. Южный вал сделался совершенно непреодолимым для подъема. Черный хвост от горящего нефтяного озера отчетливо виднелся из лагеря. Он поднимался в небо, и когда ветер дул с юга, его несло в сторону вагончиков. Люди почти не ощущали его запаха, а вот Изольде он не нравился. Она волновалась и водила носом, словно боялась, что одним дымом неприятности не закончатся.

Жизнь в поселке о трех вагончиках-бытовках шла своим чередом. Перспективы будущего в тот момент выглядели определенными и понятными на многие годы вперед. Иван с Полиной поняли, что они семья, и жили как муж с женой. Из-за того, что жилье являлось коммунальным, личной жизни не было никакой. Приходилось импровизировать, уходить из дома под благовидными предлогами. Результатом одной из таких вылазок стали с десяток саженцев сосны. Иван решил, что хочет развести парк рядом с жильем.

Валентина приняла идею сына как свою. Нашла ящик, засыпала его землей и высадила в него саженцы, чтобы вернуть их весной, уже укрепившиеся, в открытый грунт. Каждый день выносила на свежий воздух, заносила в жилье и ставила на ночь под кровать. Алёна временами хандрила от мыслей, что она такая молодая и красивая, а пары ей нет и не предвидится. Ее старались не задевать лишний раз, чтобы не нарваться на скандал.

Борис, чтобы не скучать, ловил с Иваном, Марселем и Валерой рыбу или же бродил по окрестностям, чтобы точно знать, чем располагает их благословенный уголок. Но ничего стоящего и хотя бы приблизительно равнявшегося озеру с рыбой в нем не было. Даже леса могло не хватить, чтобы топить печи в течение всей зимы. Инцидент с подожженным озером осложнил перспективы отопительного сезона. Софья Марковна, Руфина и Лида ходили по грибы и нашли их. Они приятно разнообразили меню жителей нового поселения.

История про Виктора, которого Иван пригласил к себе, успела позабыться. Прошло больше трех недель с их встречи. За это время дважды выпадал снег и таял, продержавшись не более суток. Погода регулярно приносила теплые атмосферные течения с Большой земли, не давая полярной зиме взять права в свои руки. Пространство вокруг вагончиков становилось все менее проходимым. Вода не успевала впитываться в землю, и без нормальных резиновых сапог, которых не хватало на всех, не получалось никуда выбраться. Пенсионеры целыми днями сидели внутри, занимаясь разделкой рыбы. Иван из-за отсутствия соли вялил ее до каменного состояния и коптил, чтобы продлить срок хранения.

Изольда, оставив подросткий и вполне самостоятельный выводок, ушла куда-то. Многие решили, что это природный инстинкт – оставлять выросшее потомство, чтобы оно выживало самостоятельно. В то утро Алёна встала раньше всех и решила прогуляться немного вокруг поселка. Туалеты поставили на приличном удалении от вагончиков, это были дыры в земле, огороженные плетеным тыном, едва достигавшим метровой высоты, и только с одной стороны, направленной в сторону жилья. Алёне очень не нравился такой сервис. Только она присела, как услышала со спины фыркание. Подскочила с перепугу и увидела перепачканную в грязи Изольду. Она не была уверена, что это именно их песец, но хотела верить.

– Ты откуда такая? – спросила Алёна, внимательно рассматривая животное.

Песец забегал нервно вокруг туалета и сделал с десяток шагов в сторону южного вала. Вернулся, снова закружил, явно пытаясь что-то сказать. Алёна надела штаны и побежала к вагончикам. Забежала внутрь и тихо подошла к брату. Тот сладко спал в обнимку с Полиной.

– Вануйто, там Изольда вернулась, – тихо прошептала она.

Брат зашевелился, но не проснулся.

– Ванька, там Изольде что-то надо. – Алёна потрясла его за плечо.

– Алён, тебе заняться нечем? – Полина проснулась раньше. – Давай еще Иван будет об Изольде беспокоиться, как о людях.

Полину иногда подбешивало инфантильное поведение золовки.

– А я не тебя прошу. Он мне больше брат, чем тебе муж, – огрызнулась Алёна. – Ванька, Изольда пришла, грязная как черт, и она что-то пыталась мне сказать.

Иван сел на кровати и посмотрел на сестру.

– Грязная?

– Да, ну просто кусок грязи. Она меня пыталась отвести к южному валу. Думаю, там она и испачкалась.

– Вань, это ненормально, что сестра тебя будит по такому поводу, – произнесла Полина.

– Изольда не стала бы просто так волноваться. Надо проверить. – Иван поднялся и стал собираться.

Алёна победно показала Полине язык.

– Как там погода? – спросил Иван, выглядывая в окошко, прикрытое шторкой.

– Пасмурно, но тепло.

Иван быстро оделся и вышел на свежий воздух. Легкий туман скрывал видимость с двухсот метров. Изольда нервно гарцевала у вагончика. Несколько ее щенков бегали рядом, но она отгоняла их рыком.

– Привет, бродяга, – поздоровался Иван.

По ее поведению он сразу догадался, что дело важное и неотложное. Песец повел его в сторону южного вала и чуть правее того места, откуда они обычно спускались. Алёна быстро догнала их.

– Я права, Вануйто, она же что-то хочет нам сказать? – спросила Алёна.

– Да, у нее какое-то дело к нам, – согласился брат, глядя, как животное постоянно обращается, проверяя, идут за ним или нет.

– А твоя Полина прям бесится, что я отрываю тебя от нее. Пиявка, – язвительно заметила Алёна.

– А то бы ты не так относилась к тому, кто вытаскивает твоего любимого из-под вашего одеяла? Мне приятно, что она ко мне так относится.

– Смотри, глазом моргнуть не успеешь, как она тебя подкаблучником сделает, – предупредила сестра. – Она баба хваткая и наглая.

– Я думал, вы подруги.

– Подруги-то подруги, но брата на растерзание не дам.

– Ой, Алён, ты не знаешь Полину, как знаю ее я. Она рада, что попала к нам, что я есть у нее, ты и свекровь. Ее все устраивает. Просто у нее чувство собственности на меня.

– Ладно, мне идти некуда, если разругаемся, буду терпеть до последнего, – в шутку припугнула Алёна брата.

– Обещаю следующим летом выкрасть из Самбурга или Тазовского хорошего паренька для тебя. – Иван на ходу приобнял сестру за плечи.

– Так, значит, ты считаешь меня злой из-за того, что у меня нет мужчины?

– Да, думаю, причина в этом. Природа требует своего, а ты не удовлетворяешь эту потребность.

– Изольда тоже одна, и ничего, не жалуется.

– А ты народи двенадцать детенышей и тоже успокоишься.

Из сгустившегося тумана показалась темная полоса южного вала. Грязь сильно растеклась под основанием кручи. Изольда прибавила шаг, дошла до самой жижи и замерла, глядя вверх. Иван подошел к ней. Сверху доносился едва различимый мужской и женский говор. Иван сомневался, звать или не звать людей. Вспомнил Виктора, но подумал, что тот передумает.

мал идти, а это могли быть совсем другие люди, которых и привела Изольда по доброте своего песцового сердца.

– Что делать? Окликнуть или нет? – Иван не мог определиться самостоятельно и спросил у сестры.

– Блин, у нас тесно и без них. – Алёне не хотелось новых жителей.

– То же самое нам сказали в Самбурге, а мы на них сильно обиделись, – напомнил Иван.

– Решай сам тогда.

Иван был в резиновых болотных сапогах и решил подойти ближе, чтобы различить речь. Алёна и Изольда остались на относительно сухой земле. Иван подобрался к самому основанию вала. Край недавно обвалился, и на срезе еще были видны участки промерзшей почвы и почвообразующей породы.

– А если тебе соврали? – спросил женский голос.

– Зачем ему было это делать? А песец зачем нас сюда вел? – ответил мужской.

Иван его сразу узнал, это был Виктор.

– Виктор, это ты? – громко спросил Иван.

Голоса замолкли на секунду.

– Иван, это ты? – спросил Виктор в ответ.

– Я. Ты с семьей?

– Да, жена и дети.

– А мы уже и ждать вас перестали. Долго вы добирались. – Иван обрадовался их появлению.

– Тяжело было сорваться с места. Страшно. Да и заплутали мы, честно говоря.

– Вы пока не спускайтесь. У нас тут сильно размыло откосы талым снегом и дождями. Тут грязи выше чем по колено, – предупредил Иван.

– Да нам уже и нестрашно. Мы по самые уши в грязи. Не пугайтесь, когда покажемся вам. – Виктор засмеялся.

– Я попробую поймать ваших девчонок. Слева от вас есть пологий спуск, идите к нему, – выкрикнул Иван и направился туда.

На пологом спуске и глубина грязи оказалась меньше, и крутизна не такая, чтобы бояться свалиться. Сверху показалась темная мужская фигура и маленькая фигурка ребенка.

– Как опускаться? – спросил Виктор, переживая за результат.

– Пусть садится на задницу и понемногу, притормаживая руками и ногами, спускается, – предложил Иван.

– Ну и горки тут у вас, захочешь – не полезешь. – Виктор усадил ребенка и объяснил, как надо действовать.

Девочка, как паучок, поползла вниз. Уже в самом конце она начала скользить, но Иван ее поймал, посадил на плечо и вынес к Алёне. Затем принял вторую, ровесницу первой. Кто-то из них являлся соседской девчонкой. Алёна проводила их к ближайшей луже отмыть руки. Но, честно говоря, мыть их требовалось полностью. Третьим Иван ждал супругу Виктора, но им оказался парень.

– Это кто? – поинтересовался Иван, решив, что Виктор его обманул.

– Сын, – ответил Виктор. – Лёшка.

– Еще дети есть?

– Нет. А что, перебор? – разволновался Виктор.

– Нет, все нормально. Просто я решил, что у тебя две дочери, – признался Иван.

Лёшка оказался проворнее девчонок, самостоятельно спустился вниз и, черпая короткими сапогами грязь, выбрался из нее. Алёна бросила на него заинтересованный взгляд.

– Тебе сколько лет? – спросила она в лоб.

– Шестнадцать, – ответил немного опешивший парень.

– Хороший возраст для дрессировки, – пошутила Алёна.

Затем спустился Виктор и, чтобы не смущать Ивана, поймал свою супругу сам.

– Ну, вот мы и приперлись, – со смехом объявил Виктор. – Честно говоря, боялись, что уже никогда не найдем ваши вагончики. Спасибо этой животине. – Он посмотрел на Изольду, искупавшуюся в луже и отряхивавшую шубу. – Странное поведение для песка.

– Она больше чем животное. Это наш тотем, связь между людьми и миром духов, – представила ее Алёна. – Ее зовут Изольда.

– Надо же, она действительно как из другого мира. – Виктор откашлялся. – Вот, Свет, это тот самый Иван.

– Очень приятно. – Светлана кивнула.

– А это наш старший балбес Лёшка, – представил глава семейства сына. – А это дочки, Даша и Вероника. – Виктор не стал акцентировать, кто из них родная, а кто приемная.

– Очень приятно. Рад, что вы добрались. – Иван кивнул на сестру. – Алёна, сестра моя.

– Очень приятно, – ответил Виктор. – Ну, где у вас тут ополоснуться? Грязный, как сволочь. Три раза в какую-то жижу проваливался. – Он направился в сторону лужи, из которой умылись все остальные. – Первый же шел, путь проверял. Ладно опытный уже, догадался веревку взять, а то бы...

Когда пришедшие отмыли с лиц грязь, обнажилась их худоба. У всех впали глаза, под ними темнели круги. У Лёшки краснела серьезная царапина на ладони. Из-за нее основания среднего и безымянного пальца распухли. Парень старался ими не двигать из-за боли. Алёна быстро подсутилась.

– Дай посмотрю, – чуть ли не приказным тоном попросила она. – Рана уже гноиться начала. Так и до гангрены недалеко.

– У нас с собой только таблетки от головной боли были да от давления, – оправдалась Света. – Мыли руку, меняли повязки, но ничего не помогло.

– Давайте скорее домой, – поторопил Иван. – Обработаем рану, накормим и нагреем воды, чтобы помыться.

– Да, семья, давайте живее шевелите булками, – приказал Виктор. – А вас, девчонки, я буду нести по очереди.

– Я одну возьму, – вызвался помочь Иван.

– Бери Дашу, она полегче, – предложила Света.

Почему-то Иван решил, что именно Даша – неродная дочь. Взял ее на руки. Она действительно весила как перышко. В ней едва было двадцать килограммов.

– Я жене рассказал о твоём предложении, но мы не сразу решились. – Виктор по дороге поведал историю о том, как они покинули Уренгой. – Мы ждали, когда вернутся все остальные группы. Вдруг в тех местах жизнь намного лучше, чем у нас. Могло ведь такое быть?

– Ты же сам рассказывал, что пекло выжгло все, что южнее полярного круга? – напомнил Иван.

– Рассказывал, но сомнения в правдивости слухов всегда остаются. В общем, три дня ждали. Вернулась одна группа из двух, которая пошла в сторону Тарко-Сале. А та, что отправилась в Нур, так и не пришла. В общем, парни сказали, что там реально припекло сильнее, а в Губкинском еще хуже. Там даже спустя месяц грязь еще хранила жар. Но это не самое страшное. Там начался настоящий бандитизм. Продукты и скот сторели, есть абсолютно нечего. А наши добряки давай рассказывать, что у нас такого пекла не было и многие продукты сохранились. И привели за собой на хвосте отряд бандитов. Ночью напали, началась стрельба непонятная, крики, вопли. Мы в своем подвале пересидели, а утром узнали от соседей, что какие-то твари хозяйничают в поселке. Кое-как дождались следующей ночи и ушли. Что могли взять, взяли и шли не оглядываясь, как ты и сказал, по берегу Пура. Вначале все было прекрасно. Добрались до Тихого, поняли, что там уже давно никто не живет. Вместо села, как и у нас,

кратер, да еще и куча мелких провалов. Ночью мы больше не ходили, потому что нереально вообще. Опасность на каждом шагу. А когда добрались до Самбурга, повернули на северо-восток и быстренько сбились с курса. Ходили кругами неделю – то снег, то туман. Еды уже не осталось. Лёха поранил кисть, когда меня из грязи ташил. Короче, с каждым днем становилось все страшнее и страшнее. Я уже думал руку себе отхреначить, чтобы семью накормить. Вот реально был уже готов. Но потом Светка среди ночи заметила огонь вдалеке – погода прояснилась, а то до этого три дня туманы стояли. Утром увидели, что это не костер, а нефтяное озеро горит. А потом меня как обухом по голове ударило. Когда мы разошлись после той нашей встречи, у нас за спиной поднялся черный столб дыма. Мы так и подумали, что вы то озеро, на которое шли, зачем-то подожгли. Наш главный решил, чтобы нам не досталось. Короче, подошли к озеру, кое-как определили, где от него север, и пошли прямо. А потом этот песец появился. И вот мы здесь. – Виктор закончил повествование.

– И рука осталась на месте, – произнес Иван с юмором. – Да это мы по глупости озеро подожгли. Сами себе плохо сделали, но, получается, хорошо вам. Теперь, правда, непонятно, куда ходить за нефтью. Хотелось бы набрать про запас, пока погода позволяет.

– Так я могу вам показать. Мы тут все истоптали, как мамонты. Там недалеко есть еще одно, маленькое такое, метров пять от силы в диаметре. – Виктор обрадовался, что смог быть полезным.

– Годится. – Иван выдохнул с облегчением. – Это очень хорошая новость. А вы соседям, случайно, не проболтались о том, что можете уйти сюда?

– Нет, конечно, – ответил Виктор.

– Хорошо. Я думаю, что людям сейчас вообще лучше не показываться на глаза. – Иван оглянулся назад, как будто опасался погони. – А в Самбурге вас не видели?

– Вроде нет. Но у них активная деревня, ночью много огней горело, а днем в лесу стучали топоры, – поделился Виктор. – Мы боялись, что оставим следы, но там и без нас натоптано. Они, похоже, уверены в собственных силах и не таятся.

– Пока ни с кем не столкнулись типа тех, что пришли в Уренгой, – рассудил Иван. – Если люди поймут, что к северу природа сохранилась лучше, попрут сюда как тараканы.

– Честно говоря, Иван, не думаю, что их сюда будет манить с непреодолимой силой. Поселков тут мало. Кого грабить? Дойдут до вашего Тихого, а там дыра в земле. Дойдут до Самбурга, а там куча мужиков с оружием. А ваши вагончики вообще нигде на картах не обозначены, попробуй найди их. А впереди зима, если она будет при таком климате, но все равно погода не располагает к путешествиям на свежем воздухе, – предположил Виктор.

После тяжелого испытания ему очень хотелось верить, что они нашли тихую гавань на долгий срок.

– Будь как будет, но постараемся не отсвечивать. – Иван решил, что надо меньше оставлять следов за пределами их ограниченного природными границами района.

Из тумана показались вагончики.

– Ого, домики, – звонко произнесла Вероника. – У нас папа в таком работал.

Выходило, что неродная дочь все-таки Вероника.

– А теперь ты будешь в таком жить и работать. – Алёна погладила девочку по вязаной шапке, из-под которой сосульками свисали светлые волосы.

– А у вас еда есть? – спросила Даша.

– Есть. – Алёна добродушно улыбнулась.

– Девчата, за стол никто не сядет, пока не умоемся. Вы чумазые, как чушки, – предупредила их Света.

Дочери скорчили недовольные физиономии.

– Мы уже три дня не ели, – напомнила ей Даша.

– Давайте позавтракаем вначале, а то вам еще ждать, когда согреется вода. – Ивану стало жалко худых голодных детей, ждущих, пока их соизволят накормить. – У нас уха вчерашняя. Быстренько согреем и позавтракаем.

– Можно и не греть, – предложила Света.

Иван представил, как им хочется есть, и сжалился так, что не смог скрыть эмоции. Алёна заметила его реакцию и улыбнулась.

Из-за вагончика вывернул Борис. Увидел гостей и развел руками.

– А я как чуял, решил уху подогреть с утра. Не спится, кости болят. А это те самые, про которых ты говорил? – обратился он к Ивану.

– Да, дядь Борь, они.

– Ох и чумазные вы, ребята, как трубочисты. – Борис усмехнулся в бороду. – Придется сегодня устроить еще и помоечный день.

– Знакомься, это Виктор, Света, Алексей, Даша и Вероника, – представил Иван семью новеньких.

– Очень приятно. Борис. – Он пожал руку Виктору и Лёшке. – Дорога была тяжелой, да? – Он больше утверждал, а не спрашивал. – Знаю, мы сами сюда шли из последних сил.

– Спасибо вам, что согласились нас принять. – Света смахнула слезу. – Люди сильно изменились, обозлились, а вы...

– А мы знаешь почему такие добрые? Потому что у нас восемьдесят процентов пенсионеров. Нам-то чего о будущем думать, все равно помирать скоро. Надо приютить людей, у которых еще много лет впереди, но приглашать кого попало не хочется. Если уж и взращивать новое поколение, то только нормальных. А отбросы постепенно сами себя выведут, – поделился Борис своими умозаключениями.

На шум из вагончика показалась Валентина. Увидела людей, вскинула руки, заохала.

– Ой, мамочки, какие вы худые. Иван, что ты их тут держишь? Надо кормить гостей.

– Вы не суетитесь, пожалуйста. – Виктору стало неудобно за радушие людей. Он рассчитывал на иной прием. – Мы, пока не помоемся, внутрь не пойдем. Выносите на улицу, мы здесь будем завтракать.

– Да тут холодно, – изумилась Валентина.

– Мы привыкли. Свинячить в дом не пойдем, не уговаривайте.

– Да, Витя прав, мы не станем заходить в таком виде, – поддержала мужа Светлана. – И я еще хотела узнать, есть у вас чем обработать руку Лёшке? Она у него нарываёт.

– Конечно, у нас целая аптека с собой, старики же. – Валентина убежала внутрь.

– Тогда ждите здесь, я сейчас организую завтрак, – пообещала Алёна и тоже зашла в вагончик.

Обед грелся на печке, в которой был предусмотрен такой способ подогрева пищи. Сверху убиралась круглая заглушка и ставился котелок сферической формы. Иван принес из дровницы полена вместо стульев.

– Рассаживайтесь, находились, наверное.

– Ага, на всю жизнь. – Света рассадила девчонок и села сама. – Благоустроено у вас тут, уютно.

– Спасибо, – поблагодарил Иван. – Сами не ждали, что на такое чудо наткнемся. Вахтовики бросили вагончики и больше не вернулись. Они полностью были готовы для заселения, даже продукты остались. А у нас в Тихом как раз вулкан под боком проснулся. Если бы не он, так бы и остались зимовать на холодном складе, пока все от туберкулеза не померли бы.

– Да, не поймешь, неожиданное зло – это зло на самом деле или последний намек, чтобы заставить тебя действовать. – Виктор уселся на полено и вытянул вперед ноги. – С нами то же самое. Пока не пришли бандиты, мы не могли принять решение. А если масштабировать

проблему на всю планету, то и нас всех заставили менять что-то в жизни, только я никак не пойму, что именно.

Дверь вагончика открылась. Из нее вышел Борис с котелком в руках, за ним – Алёна с посудой. Одновременно из-за угла вывернула Изольда в окружении крупных щенков-подростков, испуганно бегающих на удалении от матери.

– Она тоже у вас завтракает? – спросила Света, не переставая удивляться поведению дикого животного.

– Временами. Вообще она сама охотится, но в ее жизни так повелось еще с докатастрофных времен, что она привыкла рассчитывать на людей. Изольда у меня года три таскала рыбу, а я ей позволял, – поделился Иван. – А когда пришло пекло, она не испугалась переждать ее с нами в подвале. Валеру к нам привела, потом вас, язык не поворачивается назвать ее животным.

– Хорош людям зубы заговаривать, – добродушно прервал Борис Ивана. – Берите в руки посуду, ложки, буду накладывать.

Он открыл крышку. Ароматный пар ухи наполнил пространство. Девчонки затопали ногами от нетерпения. С них Борис и начал.

– Теперь у нас в доме престарелых будет звонко, – пошутил он. – А то Алёнки одной не хватает.

– Меня тут держат за ребенка, – пояснила Алёна. – Теперь хотя бы заметят разницу.

– Ой, какой аромат! – Света вдохнула запах ухи и закрыла глаза. – Виктор сказал, у вас есть озеро с рыбой?

– Да, есть. Если бы не оно, не было бы в нас такого гостеприимства. Место щедрое, и мы щедрые. – Борис налил ухи Лёшке и Виктору. – Но у людей обычно все наоборот. Наверное, потому и стерилизовало планету, что людишки измельчали, оскотинились. Не все, конечно, но в массе трудно оставаться другим.

Он положил еще половник ухи Изольде. Она отогнала своих щенков и съела все сама. Покрутилась еще немного и ушла в туман. Щенки постепенно тоже разбрелись. Семья Виктора активно стучала ложками по дну тарелок. Девчонки сопели, пускали носом пузыри и ели с хорошим аппетитом.

Проснулся Марсель, оделся и вышел.

– У нас пополнение. – Его уже проинформировали о появлении гостей. – Всем привет.

Его отправили подогреть бак с водой. У торца крайнего вагончика соорудили каркас из стволов погибших сосен. В центре стояла двухсотлитровая бочка из-под топлива. Ее отмыли и заполнили водой. Под ней разжигали огонь, и когда вода нагревалась до приемлемой для мытья температуры, огонь тушили, оборачивали деревянный каркас разным тряпьем и мылись. Температура была не как в бане, но как в душе точно.

Между вагончиками разнесся приятный аромат дыма. Стояла безветренная сырая погода, и дым тихо стелился по земле. Девчонок после калорийного завтрака разморило, и они стали клевать носами. Света села позади них и прижала к себе. Дочери тут же задремали.

Алёна и Валентина собрали аптечку со всеми лекарствами, которые могли пригодиться для обработки раны Алексея.

– Надо бы после бани, – предложил Иван. – Или придется мыться одной рукой. Дай-ка посмотрю, что у тебя.

Глубокая распаханная рана, оставленная острым предметом, протянулась от запястья к среднему пальцу. Кожа вокруг нее приобрела нездоровый красно-коричневый цвет, а внутри самой раны шел воспалительный гнойный процесс.

– Когда отец провалился, я лежа потянул его изо всех сил, и получилось так, что палка, которой проверяли дорогу перед собой, оказалась подо мной. Я дернул рукой с веревкой на себя и распорол, – объяснил Лёшка появление раны.

– У нас антибиотики есть? – спросил Иван.

– Конечно. – Мать порылась в аптечке. – Вот и вот, на любой вкус.

– Я не доктор, но мне кажется, надо и внутрь принять, и рану присыпать, – посоветовал Иван.

– Иди уже, займись чем-нибудь, специалист во всем, – отправила его Алёна. – Полина заждалась.

– Я уже здесь. – Полина стояла позади нее.

– Блин, семейка, вы вездесущие. Хочу проявить заботу, а твой муж лезет с советами. – Алёне стало немного неловко.

Полина сразу поняла интерес золовки к лечению раны молодого парня. Бросила в ее сторону хитрый взгляд. Валентина заметила его, но вида не подала.

– Иван, кажется, во втором вагончике дымоход засорился. Софья Марковна с утра жаловалась, что пахло дымом и у нее появились признаки угара, – придумала она благовидный предлог, чтобы сын занялся делом.

– Она одна угорает в этом вагончике, – хмыкнул Иван. – Не надо спать в обнимку с печкой.

– Станешь старым, тоже будешь мерзнуть. – Валентина взглядом показала сыну, чтобы он ушел.

Иван направился ко второму вагончику. Полина догнала его.

– Хорошо, что у нас появились дети. Будет веселее.

– Да, это здорово, – согласился Иван.

– А Алёнка наша быстро смекнула, что того парня можно прибрать себе, – произнесла она со смехом. – Она же так переживала, что ей никогда не будет пары.

– Да он еще мальчишка. – Иван тоже заметил, что сестра сразу взяла парня в оборот, но не думал, что это с прицелом на серьезные отношения.

– Да и пусть. Ей уже никто статью не пришьет, воспитает мужа как надо, будет жить и радоваться.

– Совет им да любовь. – Ивана мало интересовали романтические отношения других.

Он постучал в дверь второго вагончика, выждал несколько секунд и вошел. Сразу принюхался к запахам внутри. Дымом как будто припахивало.

– Софья Марковна, вы как? – спросил он.

– В висках стучит, – ответила она с кровати, укрытая с головой цветастым одеялом. – Дымоход забился, тяга плохая. Как ветерок дунет, из печки во все щели дым лезет.

Иван присел рядом с печкой, поджег лучину, открыл дверцу и поднес трепыхающийся огонек. Пламя потянуло внутрь печки и сразу сорвало.

– Тяга отличная. Я сейчас заберусь на крышу и проверю, вдруг станет понятнее, куда девается тяга. – Иван не хотел убеждать Софью Марковну в том, что ей могло мерещиться.

– Вань, а что за шум снаружи? – спросила Софья Марковна.

– У нас гости. Та семья из Уренгоя, про которую я вам рассказывал.

– Так они пришли, – удивилась старушка. – Надо же, какие смелые, с детьми в такую даль.

– Выбора не было. Бандитизм начался с голодухи. Схватили детей среди ночи и бежать.

– Ну раз пришли, пусть живут, только бы за собой никого не притащили. Мы же не резиновые. – Софья Марковна села на кровати, косматая, и спустила ноги.

– Сказали, что ушли по-тихому.

– Скорее бы зима. Ну давай, Карлсон, полезай на крышу, а то холодать начинается. Пора затопливать печь да завтраки греть. – Софья Марковна закуталась в одеяло и поджала ноги.

– Ладно, пойду проверю. – Иван вышел наружу.

Полина вертелась среди новеньких, разговаривала с ними, эмоционально размахивая руками. Проснувшиеся девочки слушали ее с открытыми ртами. Иван по лестнице забрался

на крышу вагончика. Как он и думал, труба оказалась чистой. На всякий случай он поводит по краю перочинным ножом, изображая деятельность. Хотел соврать Софье Марковне, что почистил дымоход от сажи. Собрался уже слезать и заметил вдалеке в тумане неясное движение. Сразу подумал, что это люди с недобрыми намерениями, которых привели новенькие. Замер и стал ждать.

Из серого тумана один за другим вышли несколько оленей и замерли, нюхая воздух.

Глава 5

Праздник начала путины являлся для общины священным действием, почти языческим. Накануне выхода в море вечером жгли костры, обильно ели, пили и веселились. Алкоголя никакого не было по причине отсутствия сырья для его изготовления. Однако народ как будто в нем и не нуждался, чтобы чувствовать себя празднично. Психика, как и во все времена, уставшая от каждодневного труда, сама создавала особое состояние, при котором становилось весело. Костры, ночь и совместное веселье производили эффект болельщика, когда радость всех суммировалась и наступало состояние всеобщего единения и радости. Это сближало коллектив надолго, в отличие от алкогольных корпоративов прошлого, когда было стыдно идти на работу после возлияния.

Всю неделю Захар муштровал Роберта с утра до вечера. Объяснял все тонкости и нюансы работы. Коллектив опытных рыбаков вначале очень скептически воспринял кандидатуру Роберта на руководящую должность. Никаких заслуг в настоящем у него не было, только разговоры о министерском прошлом да истории про блуждание по выгоревшим пустошам. Роберт несколько раз сам предлагал бригадиру не спешить с его назначением, дать порулить другому рыбаку, более опытному.

– Все сгубят, что я возводил, – отмахнулся Захар. – Они руками хороши работать, но ты дай ему слово сказать перед народом, и он будет постоянно запинаться и вообще забудет, с чего начал. Они не руководители, у них ум однозадачный. Уж лучше я рискну и промахнусь, чем гарантированно поставлю на это место того, кто точно не справится. А ты человек новый, можешь приказать, если надо. А рыбаки между собой все друзья и приказывать не осмелятся, а то дружбе конец. Вот из этих соображений я выбираю тебя. По всем параметрам ты на этой должности лучше остальных. А опыт придет, и точка.

Роберт и сам знал, что равных ему в умении управлять не так много, и, несмотря на открытый скептицизм в его сторону со стороны опытных рыбаков, он принял внутренне свое назначение.

Даниэль забрал автомат на чистку и приведение к бою с благоговением. Откуда в нем взялась любовь к оружию, родители не понимали. Обычный нескладный подросток. До катастрофы он был одним из тех, кто вечно пялится в экран телефона и компьютера. Из всех интересов только онлайн-игры, новые модели телефонов, видеокарт и прочего, что мало способствовало настоящим мужским увлечениям. А теперь он умел боксировать, разбираал автомат за секунды и, несмотря на свой беззубый недостаток, больше не смущался перед девушками. Его уверенность импонировала им. Они чувствовали, что парень особенный в правильном смысле. И имя его необычное, во время похода казавшееся издевкой, сейчас снова приобрело романтический оттенок эксклюзивности и некоторой таинственности.

На празднике в честь путины Роберт стоял рядом с Марией. Она отказалась водить хороводы вокруг костра. А Роберту не советовал танцевать с остальными Захар – по понятным причинам. Дистанция всегда должна была присутствовать. Работа вместе, отдых отдельно.

– Перестают слушаться, как только начинают считать тебя одним из них, – пояснил он.

Мария тоже понимала этот момент и присоединилась к мужу. Так они и стояли вдвоем, глядя не мечущиеся вокруг костров силуэты веселящихся людей. Крупная фигура Физрука заметно выделялась на фоне остальных. Он с семьей отдавался веселью полностью. Скакал как одержимый, как человек, находящийся в шаманском трансе. И не он один пребывал в подобном исступлении. Десятки людей извергали в космос хоровод эмоций.

– Я бы их после такого представления святой водой отпоила, – посоветовала Мария.

– А в чем их грех? – спросил Захар.

– Беснуются же. Эти пляски богоугодными точно не назовешь.

– Без алкоголя, без интернета, телевизора, порнухи, всяких шоу люди снова вернулись к исконному избавлению от ненужных эмоций. Мы ведь не сами придумали – а давайте плясать начнем! Это возникло как естественная потребность, пришедшая на ум сразу всем. Технологии усыпили нашу исконность через информационный шум. Бесноватостью было желание потреблять всякое дерьмо типа телешоу или коротких роликов из интернета. В этих плясках зарождается единение, состояние духовного родства. Когда душа немного выходит из тела, освобождается от бранных чувств, то начинает понимать о мире больше и видит, что все мы – часть одного целого, объединенного любовью.

– А вы участвовали в плясках? – поинтересовалась Мария у Захара.

– Ну конечно. Я же не сразу стал бригадиром.

– Очень напоминает поведение язычников или секты. – Мария не собиралась соглашаться с ним, что подобное поведение является нормой.

– Роберт, отпусти ее, пусть получит реальное представление о предмете. Не попробовав, не поймешь, – сказал Захар.

– Я не против. А то получается, «я не плясала, но осуждаю». Иди, Маш, потом расскажешь, каково это.

– Нет, я не хочу. Я не представляю себя скачущей с пеной у рта. – Мария отмахнулась. – Еще демона какого-нибудь вызову.

– А со мной пойдешь? – предложил Роберт. – Один раз, как говорится, коллектив простит. Можно? – спросил он у Захара.

– Нужно.

– Идем. – Роберт взял жену за руку и потянул за собой.

Мария вынуждена была согласиться. Несмотря на протесты, она являлась умной и интересующейся женщиной и подсознательно хотела получить новый опыт, но внутренняя мораль, полученная в иное время, создавала барьер, через который сложно перешагнуть.

– Эй-эй-хо-хо-хо, ай-да-я-да-я. – Люди накручивали себя однообразными возгласами, но разученными в определенном порядке.

Роберт разъединил круг рядом с Физруком. Мария взяла Алексея за руку, а Роберт – его жену. Кажется, никто из пляшущих не заметил их появления. Глаза их блеснули, но при этом ничего не выражали, как у сильно пьяных. Роберт с Марией быстро уловили порядок чередования возгласов и присоединились. С минуту ничего не происходило, но потом к голове подступили приятные массирующие покалывания. Казалось, что сведенные от непрерывных мыслей мышцы головы расслабились и по ним начался нормальный кровоток. Взгляд автоматически задержался на горящем костре, становящемся все больше и больше, и постепенно он трансформировался в желтый космос, по которому движением мысли скользило сознание.

Стало легко и весело. Душа наслаждалась ощущениями полета, всезнания и прикосновения к теплоте чувству любви. Не той болезненной страсти, зависимости от другого человека, а настоящей, безусловной. Вокруг были все, кто сейчас участвовал в пляске, и каждый из них воспринимался иначе. Даже Мария, которую Роберт любил, стала еще ближе. Они могли растворяться друг в друге, и от этого становилось радостно и приятно.

Состояние транса быстро закончилось. Оно воспринималось как сон, мгновенный и одновременно вечный, словно в том мире, где пребывала душа, понятие времени отсутствовало. Костры потухли и дымили. Во рту Роберта пересохло. Он громко сглотнул. Мария вытерла рот ладонью, словно хотела проверить, появилась ли на губах пена или нет.

– Ого, и вы тут были? – удивился Физрук. – Как вам обряд? Здорово, да? И ничего не надо употреблять. Все, что нужно, уже заложено в нас самих.

– Насчет нужного я пока не уверена, – произнесла Мария. – Но такого в жизни я еще не испытывала точно. Я до сих пор ощущаю на себе прикосновение приятного тепла.

– Я тоже, – согласился Физрук. – Так хочется перенести те чувства оттуда сюда, но, наверное, в теле их испытать не получится. Оно, как скафандр, отделяет нас от космоса вечности.

– Хорошо сказал, скафандр, – заметил Роберт. – Теперь у меня тело так и будет восприниматься как оболочка, отделяющая от потустороннего мира. Даже умереть не страшно, если нас ждет то, что мы видели.

Наплясавшийся народ потянулся к заранее приготовленной бочке с питьевой водой.

– Вода святая? – спросил Роберт у Марии, только что отпившей из ковша.

– Беру свои слова назад. – Она передала ковш мужу. – Там чертей нет, они уже все здесь.

– А как же бесноватость?

– Я поняла: тело в отсутствие хозяина, то есть души, склонно вести себя как бездушная скотина. Хорошо, что сейчас нет телефонов – не хотела бы видеть себя со стороны. – Мария попыталась мысленно вернуться к тем чувствам, которые ощутила во время плясового транса, но не смогла. – Идем домой?

– Идем. – Роберт взял жену под ручку.

Они дошли до своего чума. Эмилия спала, а сына еще не было. Он тоже участвовал в праздничном ритуале и задержался с друзьями. От камней в центре жилища еще исходило тепло, и кот, оказавшийся Гансом, спал, приткнувшись к одному из них спиной. Он лениво открыл глаз, зафиксировать приход хозяев, зевнул, потянулся и снова свернулся клубком.

– Согласись, что с кошкой жилье становится в два раза уютнее, – сказала Мария, забираясь в постель.

Роберт прижался к ней и обнял. Так было намного теплее спать.

– Если только он не припрется к нам среди ночи и не ляжет мне на голову. – Так случилось уже не раз.

– А вдруг он лечебный кот?

– А я больной на голову? – Роберт тихо рассмеялся и поцеловал жену за ушком. – Давай спать, а то завтра у меня новая работа.

Утро выдалось ветреным, но ясным. Вся община собралась на берегу. Захар, судя по его счастливому виду, был очень рад оставить общину и уйти в море. Мария и Эмилия крутились рядом с Даниэлем. Мать волновалась, глядя, как волны накатывают на берег под сильным ветром.

– Надо было тебе остаться на суше. Отец же сказал, что есть вакансии транспортника. Ходил бы туда-сюда, и никаких тебе забот. Ростислав вовремя сообразил и устроился на эту работу.

– Ма, я уже решил, что пойду в море, чего мне метатша туда-шуда. Не понравитша, тогда буду думать. А ш Роштиком нам что, вшу жижнь вмести?

– Ну не всю, конечно, пока не женитесь. А тут тебя никто не дразнит? – Мария больше всего переживала, что сына могут унижать из-за его дефекта.

– Попытайся, но я им покажал, что жа это будет. Перештали.

– Ну слава богу. Ты там не воображай особенно, не лезь вперед опытных. Я смотрю на эти лодки и понять не могу, как они вообще могут плавать где-то, кроме мелкой лужи. Такие ненадежные на вид.

– Не переживай, надежные.

– Товарищи провожающие! – громко выкрикнул Захар. – Заканчивайте прощания, поезд отходит.

– Ой, ну все, Даниэль, давай. – Мария не смогла сдержать слезы. – Помни, что мы будем за тебя переживать, не расстраивай нас.

– Давай, мам, пока, люди шмотрят. – Даниэль обнял мать, быстро чмокнул в щеку, потом поцеловал сестру. – Вещели мамку, – попросил он Эмилию.

– Угу, – пообещала сестра, тоже с трудом сдерживая слезы.

– Вы меня как на войну провожаете. – Даниэль начал сердиться.

Все семьи, провожающие своих мужчин многократно, не выглядели расстроенными. Наоборот, чувствовался праздничный настрой, как в ожидании скорого приятного события. Роберт, оставшийся на хозяйстве, доложил Первому о начале путины, уточнил у кладовщика о ходе транспортных приготовлений, позвонил в отдел безопасности насчет того, чтобы добавили хотя бы пару стволов и немного патронов, и, не получив от них положительного ответа, отправился на берег.

Экипажи уже погрузились в лодки и ждали команды отчаливать. Роберт увидел сына и помахал ему рукой. Даниэль обрадовался, что отец пришел, и тоже помахал.

– Земля, прощай, в добрый путь. – Захар столкнул капитанскую лодку и запрыгнул в нее.

Народ стал громко желать удачи, махать на прощание. Лодки вначале шли в одну линию, но перед выходом из бухты перестроились в два ряда. Они быстро пропали в бликах отраженного на воде солнца. Мария смотрела им вслед из-под ладони, а когда перестала различать, громко вздохнула.

– Это первый раз в нашей жизни, когда Даниэль покидает родное гнездо, как взрослая птица, – произнесла она печально. – Мальчишка вырос.

– Он давно вырос, это мы с тобой отстали в отношении к нему. – Роберт обнял жену и дочь. – Ладно, девчули, мне пора идти проверять все рабочие посты, и вам тоже пора работать. Не забывайте, что все в первую очередь будут следить за тем, как работаете вы, чтобы проверить меня на пригодность.

– За это можешь не переживать, – отмахнулась супруга.

В общине остались мужчины-разнорабочие. Они могли быть лесорубами, кожемяками, копателями, строителями, солеварами в зависимости от того, в чем больше нуждался поселок. Роберт нашел их сидящими у костра и варящими тюлений жир. Это были старые запасы, которые требовалось вытопить, пока они не испортились.

– Александр и Анатолий, оставайтесь здесь, остальные – за мной. – Роберт старался ко всем обращаться по именам, чтобы показать уважение.

– А что за дело? – Семён, главный в бригаде разнорабочих, нехотя поднялся на ноги.

– Надо к складу навозить камней с берега, засыпать яму перед ним и заровнять песком. Скоро приедет обоз из города, а к складу не подобраться ни пешком, ни тем более на телеге, – пояснил Роберт.

– Ого, там работы на неделю.

– У нас есть три дня до первого улова. Когда у меня выпадет свободное время, я тоже буду участвовать. – Роберт действительно собирался помогать, понимая, что результат важнее субординации.

– Так и мы, может, в свободное время займемся этим? – нагло предложил Семён.

Роберт посмотрел ему прямо в глаза. Тот не выдержал взгляда и отвернулся.

– Мужики, давайте начнем нашу работу с нормальных отношений. Испортить их мы всегда успеем. Эту жижу надо засыпать, иначе бочки придется носить на себе. Вы же это понимаете? Других людей для выполнения работы у нас нет. Так что идемте, кого позвал, определим фронт работ. – Роберт повернулся к ним спиной и направился на склад.

Шел, а сам прислушивался, пойдут или нет. Это была плата за отсутствие заработанного авторитета. Сильно давить он не решился, могли начаться сопротивление и саботаж. Сзади раздались матерок и шаги. Разнорабочие не выдержали психологического напряжения и пошли за ним.

Склад изначально был заложен в неудобном месте. Тот, кто его проектировал, совсем не подумал о подъездных путях, будто считал, что больших объемов продукции никогда не будет. Перед входом имелось понижение, и чтобы вода не текла на склад, насыпали вал, но получилось еще хуже: дожди набирали целое озеро, размывающее дно. Когда вода подсыхала,

оставалась непролазная грязь по колено, которая не сохла неделями. Олени утопали в ней по грудь, падали, телеги сопротивлялись изо всех сил. Бывало, что вырывало оглобли. Но руки не доходили исправить ситуацию.

– Тут и за неделю не засыпать. – Семён почесал голову. – Может, узкой полосой, чтобы телега проходила?

– А обратно олени задним ходом будут выходить или, наоборот, к складу сдавать на задней? – спросил Роберт. – Глаза боятся, а руки делают.

Роберт распределил людей на операции и сам до второй половины дня, без перерыва на обед работал с ними. Использовали общинных оленей, разомлевших от безделья. Обед приносили жены, у кого были. Делились обедом между собой. К вечеру хоть и здорово устали, но результат порадовал. Чуть меньше половины проблемного участка было завалено камнями.

– Ё-мое, Красная площадь выходит, – произнес довольный собой Семён. – Я же не верил, командир, что получится.

– Я тоже, но верил в вас. На сегодня все, оленей напоите, накормите, и пусть балдеют дальше. – Роберт старался показать, что не держит на разнорабочих обиду за первоначальное поведение.

– Ладно, сделаем, – пообещал Семён.

– Тогда до завтра. Пойду в офис, переговорю с руководством. – Роберт обстучал грязные руки об штанины.

– Офис. – Семён усмехнулся. – А это правда, что ты министром был?

– Заком, – ответил Роберт.

– Да уж, пришлось понизить уровень.

– Я думаю, уровень остался тем же, замминистра рыбной промышленности. – Роберт рассмеялся. – Лет через сто на этом месте будет настоящий город-государство, а мы стояли у его истоков, и наши имена будут помнить – как основателей.

– Если не снесут нас какие-нибудь бандюганы с материка, – предположил Семён.

– Если этого ждать и ничего не делать, то точно снесут. Ладно, я пошел. – Роберт почувствовал, что его отсутствие могли заметить.

За пару десятков шагов от «офиса» он услышал дребезжащий звук зуммера. Сорвался на бег и успел взять трубку.

– Рыбацкий поселок, Мартенс у аппарата, – представился он, накручивая рукоятку зарядки.

– Где тебя черти носят, Мартенс? – нервно поинтересовался искаженным плохой связью голосом Первый.

– Решал проблему логистики. Скоро придет обоз, а у нас подъездные пути не готовы, – доложил Роберт. – А в чем дело?

– Короче, банда орудует где-то в наших краях. Призываем к бдительности. Выстави секреты, пожалуйста. Это какие-то беспредельно наглые твари. Вчера смеха ради вырезали смену на полях. Девять человек. Кто они такие и с какой целью творят, непонятно. Мы уже половину народа сняли с границы, но банда умеет замечать следы и действовать внезапно.

– А если они специально творят дичь, чтобы вы ослабили кордоны? – спросил Роберт первое, что пришло на ум. – Есть у нас на примете сила, способная захватить Архангельск?

– Да какая тут сила нужна? Достаточно хорошо организованной банды в двести человек, и город падет. У нас что, армия нормальная? Мы не воевали-то толком никогда. Так, от всякой швали отбивались. А ты думаешь, что эта банда – часть большого плана?

– Похоже на то. Не думаю, что на нас напали бандиты-садины, убивающие ради нездорового удовольствия. Мы не в игре живем и не в комиксах.

– А те, про кого ты рассказывал, могли организовать нападение?

– Думаю, да. Расспросите об этом подробнее Савелия, который работал на них. Лада точно знает, о ком я говорю, – посоветовал Роберт.

– Знаешь, какое совпадение? Этот Савелий был среди тех девяти убитых, – произнес Первый. – Или это совсем не совпадение, а прямое доказательство? Убрали его из чувства мести, а остальных заодно.

– Похоже, что не случайность. Тогда дела плохи, по крайней мере у меня точно. Если узнают, что я руководил общиной, которая убила их людей, могут прийти сюда. Я бы хотел попросить у вас оружие и людей для охраны. – Роберт почувствовал, как прошлое настигло его, отчего на душе сделалось тревожно.

– Я же тебе сказал: людей снял, чтобы найти банду. Они слишком вольготно чувствуют себя на наших территориях. На ваш поселок у меня никого нет. С ближайшим обозом передадим вам два автомата и двести патронов. Это все, что можем.

– Первый, нам кровь из носу надо искать выход на военных, – посоветовал Роберт. – Любыми путями, иначе действительно шансов выжить у нас не будет. Вы в Северодвинск не обращались за помощью?

– Пытались, но с нами не стали говорить. К тому же до них вообще нет проходимой дороги. Они там в полной изоляции, и, думаю, их это устраивает. Пока мы тут вырезаем друг друга, они крепнут. А когда у всех закончится огнестрельное оружие и мы перейдем на копья, луки и мечи, они явятся, как рыцари в сияющих доспехах, и покажут, кто в доме главный. – Голос Первого дрожал от волнения.

Роберт и сам думал до недавних пор, что побережье – это заповедник спокойной жизни. Вспомнил Чижова, который мечтал об изоляции на каком-нибудь острове на три-четыре поколения, позволяющей восстановиться численно, прирасти амбициями и технологиями для покорения пространства вокруг себя. Но только в спокойной жизни мечи не ковались, воинов закаляла война.

– Справимся. Расставляю секреты, и если заметим подозрительное движение, дадим знать, – сухо пообещал Роберт. – Вы только про оружие на забудьте.

– Добро. До связи. – Первый отключился.

Роберт присел на топчан Захара и долго смотрел в стену. Неужели в этом мире вообще не осталось места, где можно чувствовать себя в относительной безопасности? Кто эти кровожадные люди? Почему в эпоху, когда нужно всеми силами стараться созидать, они не видят ничего достойнее насилия? Роберт поймал себя на мысли, что, будь у него некая сверхъестественная сила, он бы сейчас не задумываясь убил всех желающих смерти другим. Невесело рассмеялся от того, что сам хотел того же, что и они.

Он покинул бригадирский чум и направился к разнорабочим. Они дотапливали остатки старого тюленьего жира.

– Что, командир, еще работа? – спросил Семён.

– Не совсем. – Роберт пересказал им суть разговора с Первым. – Надо бы выставить секреты на двух наиболее высоких точках вокруг поселка. С сегодняшнего дня и до разгрома банды у нас чрезвычайный режим.

– Не было печали. – Семён сплюнул в сторону. – У меня брат в Архангельске живет. Теперь буду думать, что он среди тех погибших.

– Я узнаю у Первого имена всех погибших и сообщу, – пообещал Роберт.

– А в чем суть секретов? – спросил Анатолий. – Наблюдать?

– Да, скрытно наблюдать и, если появится подозрительное движение, немедленно сообщать лично мне. С обозом обещали привезти еще два автомата для усиления наших боевых возможностей.

– Надеюсь, их поймают раньше, чем они сюда доберутся, – произнес Семён. – Тулупы, унты нужны, чтобы ночью стоять.

– Будут, – пообещал Роберт.

Теплой одежды не хватало, поэтому она не находилась в личном пользовании. Ее выдавали в холодное время суток тем, кто больше в ней нуждался.

– Я через пару часов сделаю график дежурств и покажу вам.

– А ты, командир, будешь на часах стоять? – спросил Семён.

– Только в ночное время. Днем у меня полно работы, – ответил Роберт.

Он подумал, что Семён снова включил режим «а не переработаю ли я».

– Командир, тебе необязательно, – неожиданно произнес бригадир команды разнорабочих. – Мы сами справимся.

– Я подумаю. – Роберт не стал изображать радость.

Захар как знал, что наступают тяжелые времена, и смотался в море. Панику было разводить рано, все могло и обойтись, но то, что число рабочих рук сильно уменьшится, становилось очевидным.

Прежде чем выставлять секреты, Роберт сам прошелся по всем возвышенностям вокруг общины. Одна из них являлась скалой, выступающей над округой, другая – появившимся во время катастрофы поднятием. Оценил с них виды, чтобы определить, откуда могли появиться бандиты. По сути, дорог у них было немного. К общине вела всего одна разведанная, натоптанная тропа, по которой ходили в город. Слева и справа от нее встречались разломы, долины с грязевыми вулканами и прочие неприятности. Будь у общины собственный отряд, можно было бы устроить засаду и перестрелять всех бандитов.

Еще оставалась возможность двигаться вдоль старого берега, но только днем, чтобы не навернуться с крутого обрыва, которым он изобиловал. Обе возвышенности позволяли перекрывать весь сектор обзора вокруг поселка.

Роберт вернулся в «офис». Взял деревянную табличку, покрытую слоем непригодного для еды тюленьего жира, смешанную с крошкой из красного камня, и написал на ней распорядок смен дежурства. Отнес Семёну, уже находившемуся дома, в семейном чуме.

– Вот такой график, Семён. Четыре часа стоишь, четыре отдыхаешь, четыре свободная смена. На посту не спать ни в коем случае. Под вашей ответственностью жизнь семей.

Жена Семёна, сильно младше него, с беспокойством посмотрела на Роберта.

– А что, они собираются напасть? – спросила она с таким видом, как будто уже знала ответ.

– Мы не знаем, но должны быть готовы, – ответил Роберт.

– Командир, а что делать, если они придут? Мы же не отобьемся.

– Как только они появятся, сообщим в город, они – ближайшему отряду, занимающемуся их поиском. Я попробую их задержать, насколько смогу. Будем надеяться, что отряд придет быстро.

– А если нет? Они нам не простят сопротивления? – нагнал жути Семён.

– Будет обиднее, если мы не станем сопротивляться, а финал будет таким же. – Роберт задумался. – Есть отсюда выход, но не по главной дороге, чтобы вывести женщин и детей?

– Есть, но придется метров пятьсот идти по мелководью по ледяной воде. Там будут острова, на которых можно укрыться, – пояснил Семён.

– Мне нужен человек, который сможет проверить маршрут.

– Я могу в свободную смену. Два часа надо, не больше, – предложил Семён.

Ему как будто такая работа нравилась больше, чем разнорабочего. Его глаза горели азартом.

– Хорошо, спасибо. А я попрошу Марию организовать женщин и детей для эвакуации. Ты ей все расскажешь про тот маршрут, – попросил Роберт.

– Конечно, не вопрос.

Первая ночь прошла беспокойно. Роберт почти не спал, вздрагивал от каждого шороха, от свиста сквозняка. Как только наступило утро, отправил Марию к Семёну, разузнать про маршрут эвакуации, а сам пошел в «офис», узнать от Первого последние новости и доложить о предпринятых мерах.

– Следы банды обнаружили на восточных окраинах города. Видимо, они хотели снова напасть, но их спугнули. Ушли по воде и где вышли, пока не обнаружили. На шестом кордоне была стрельба, похожая на проверку боем. Отбились, но враг близко не подходил, откатились и растворились. Очень напоминает то, что ты предположил. Они ищут проходы к городу, и банда точно будет сеять панику, пока не произойдет прорыв. Я даже не знаю, как мне проводить сельхозработы, посевная под угрозой срыва. – В голосе Первого послышались панические нотки.

– А у вас не было какого-то плана на случай ЧП? – поинтересовался Роберт. – Ведь нападения были очень вероятны.

– На город еще никто не пытался нападать, а мы считали себя самой большой общиной за тысячу верст вокруг. – Первый почти признался, что плана не было.

– А вы же как-то связывались с убежищем, откуда нас попросили? Если связь до сих пор существует, попросите через них соединиться с военными в Северодвинске, сообщите, что на нашей территории появились серьезные силы, которые могут сильно навредить дальнейшему существованию всех и им в том числе, – предложил Роберт, не видя иных способов противостоять серьезной угрозе.

– Нет никакой связи уже год. Да я тебе говорил, что у военных своя программа: переждать драку, а потом разгромить ослабшего победителя.

– Первый, при всем уважении, военные не смогут жить на старых запасах и рыбе, запертые на небольшой территории. Я думаю, счет людей там идет на тысячи человек, которым нужна не только рыба, но и растительная пища. Они точно так же должны думать, как ее раздобыть, вырастить или сменять на что-нибудь. Если нет связи, нужно заслать к ним гонцов. Сидеть и ждать, авось проканаает, худшая стратегия. – Роберт понимал, что нарушает субординацию, раздавая советы.

– Были бы голодными, сами бы пришли, – ответил Первый. – За все время существования нашей общины их видели последний раз три года назад. Вернее, два с половиной, в начале зимы.

– При каких обстоятельствах?

– Они картографировали местность или что-то в этом духе. Короче, у них были карты, и они по ним сверялись. Вот тогда мы передали их начальству, что готовы сотрудничать, даже быть в вассальном положении, если они возьмутся обеспечить охрану. Не взяли и больше никак о себе не напоминали. Согласись, это однозначная позиция?

– А что у вас тогда было для сотрудничества? Развалины города и несколько лодок. А сейчас что? Вам есть что предложить? – продолжил настаивать Роберт. – У меня сейчас один автомат и двадцать патронов. Семьи рыбаков готовятся эвакуироваться на острова при первом же сигнале опасности. Получается, что самая главная отрасль, питающая город, никак не защищена. Первый, я понимаю, что у вас были спокойные годы и вы иначе смотрели на ситуацию, но сейчас надо резко поменять взгляды.

– Обозы с оружием выйдут завтра утром. Там будет пять автоматов и цинк патронов. Это наши стратегические запасы, на самый крайний случай.

– Спасибо и на этом.

– Слушай, Роберт, чтобы я точно знал, что у вас происходит, делай каждые три часа доклад.

– Хорошо, Первый, и простите, что я немного вспылел. Я, как человек новый, смотрю на вещи незамысленным взглядом. – Роберта немного отпустило, и появилось чувство неловкости.

– О господи, Роберт, мы тут не ради почтения к своей персоне работаем. Это последнее дело – думать о том, чтобы мне все выказывали уважение и почет. Ни хрена еще не сделано, чтобы заслужить такое, и неизвестно, сделаю или нет. Будем считать наш разговор конструктивным в общих интересах.

– Если надумаете послать гонцов, есть такой человек по фамилии Чижов, он опытный переговорщик. Опишете ему ситуацию, и он через день принесет вам речь, в которой будут все причины, объясняющие военным, почему они должны с нами сотрудничать. И никто, кроме него, не сможет презентовать ее потенциальным партнерам.

– Чижов – это из вашей общины?

– Да. Он что-то приболел зимой, работать физически ему точно будет непросто, а вот небольшая командировка ему в самый раз.

– Ну хорошо. – Первый усмехнулся. – Рассмотрю твоё предложение.

– Спасибо.

– Ладно, Роберт, до связи.

– До связи, Первый.

Два дня прошли в нервном ожидании бандитов и обоза. Боялись, что произойдет нападение на него. Роберт и Мария предполагали, что в городе имелся осведомитель врагов, передающий им каким-то образом сведения о постах и движении групп, и он мог сдать такую интересную цель, как обоз с оружием. Первый и начальник отдела безопасности не исключали такую возможность и принимали меры. Как оказалось, принимать их надо было вчера, а не после того, как клюнул жареный петух.

Обоз появился на дороге под самый вечер второго дня. В «офис» прибежал запыхавшийся Анатолий с большими глазами.

– Идут, но непонятно, кто. Три упряжки и человек пять с оружием. Вдруг наших перестреляли и выдают себя за них? – высказал он вполне рабочую версию.

– А ты знаешь, кто обычно ходит в обозах? – спросил Роберт.

– В лицо? Да.

– Короче, иди в ту прятанку, которую мы приготовили. Когда мимо тебя пройдут, если наши, ты выберешься из нее, если нет, я открываю огонь. Поэтому не ошибись, пожалуйста.

– Ага. – Анатолий убежал.

Роберт отправил Марию, чтобы она собирала женщин и детей для эвакуации, взял автомат и поднялся на скальный выступ, где сидел Семён, и занял замаскированную огневую позицию.

– Как думаешь, наши? – спросил Роберт.

– С такого расстояния не понять. А Толик куда? – Он увидел бегущего товарища.

– Он будет наблюдать из суфлерской будки, чтобы опознать, наши это или нет, – пояснил Роберт.

– Из суфлерской будки, – усмехнулся Семён. – С тобой, командир, у нас расширился словарный запас.

Обоз приближался. Люди в нем смотрели по сторонам, словно тоже были напряжены. Оружие держали в положении, готовом для немедленного огня.

– Да уж, работа у них нервная при таких раскладах, – признал Семён. – Я бы не пошел в транспортники.

Обозы прошли мимо суфлерской будки, не заметив ничего подозрительного. Ладони Роберта вспотели от нервного напряжения. Он держал на мушке первого бойца.

– Машет, машет. – Семён показал пальцем на Анатолия, остервенело машущего рукой из своего укрытия.

– Слава богу. – Роберт с облегчением отложил автомат в сторону. – Эй, внизу! – выкрикнул он. – Свои.

Обозники подняли оружие вверх, но один из них вдруг громко выкрикнул:
– Дядя Роберт, это я, Ростислав.

Глава 6

Весь бывший Тихий и все новенькие замерли с открытыми ртами, наблюдая за грязными животными, опасливо приближающимися к вагончикам. Их явно манило человеческое жилье. Они, как сироты без родителя, желали снова оказаться в привычной обстановке. Изольда со щенками отошла на безопасное расстояние – ее прищельцы как раз напугали своим внезапным появлением.

Олени были грязными. Сюда они могли попасть, только перевалив через южный вал. Миновать жижу под ним не получилось даже у них. Грязная шерсть свисала с боков сосульками. Животные пускали пар из ноздрей, принюхиваясь к запахам человеческого жилья. Наверное, им тоже думалось, что так пахнет уют и стабильность.

Иван направился к ним, но олени отошли от него, образовав полукруг безопасности. Не доверяли чужакам, однако пришли к людям, проявив тот же тип мышления, что и Изольда в свое время. Олени могли учуять семью Виктора и идти за ней, оставаясь незамеченными. А могли учуять дым, идущий от печек, и решить, что здесь находится жилье оленеводов, их хозяев.

– Ты, как потомок оленеводов, знаешь, что с ними делать? – в своей шутиливой манере поинтересовался Борис.

– Я живого оленя вижу в третий раз, – ответил Иван. – Оленеводство – не генетическое заболевание, по наследству не передается.

– Судя по их мордам, они соскучились по людям, – заметила подошедшая Полина.

– Они теперь натоптали к нам заметную тропинку, – решил Иван. – Если кто увидит, точно по ней пойдет. Сейчас заиметь оленя – огромная польза, а если стадо, то вообще.

– Считай, мы заимели стадо. Наши следующие шаги? – Борис сделал шаг к животным, но они снова расступились. – Поймать их нереально, это не бараны. Нужен аркан и умение накидывать его на рога. Виктор, ты не умеешь ловить оленей арканом? – поинтересовался он у главы новой семьи.

– Нет, не приходилось.

– Осталось только у Софьи Марковны спросить. Она у нас на все руки мастер. – Борис обратился к ней: – Софья Марковна, не владеете искусством ловли оленей?

– Единственным оленем, которого я смогла заарканить, был мой муж, царствие ему небесное, – ответила бывшая соседка Бориса. – Я бы оставила их на время. Пусть привыкают к нам. Их же не надо кормить?

– Нет, конечно, чем мы их накормим? – Борис развел руками.

– Виктор, а вы, когда искали дорогу к нам, не натыкались на следы большого стада оленей? – поинтересовался Иван.

– Честно говоря, из меня еще тот следопыт. Я мог не обратить на них внимания, – растерянно признался Виктор. – А что это дало бы нам, если бы видел?

– Меня волнует, чьи это олени, придут за ними или нет, а еще видели их следы самбургские ребята или нет? Не хотелось бы, чтобы за ними пришли, – пояснил Иван.

– А может, выгнать их отсюда? – предложила Полина. – Собраться всем скопом и отогнать к южному валу.

– Не уверен, что они заберутся назад.

Иван на самом деле больше думал о другом. Ему хотелось, чтобы олени остались здесь, но как ничьи. Он думал о них как о пропитании, да и транспорте и даже одежде. Иван понятия не имел, как снимать шкуру с животных, как обрабатывать ее, но любое знание надо было набирать. Олени являлись еще одним яйцом, положенным в другую корзину. Предчувствие, которое обычно его не обманывало, требовало не избавляться от неожиданных гостей.

– Я схожу до южного вала по следам, посмотрю, не осталось ли там еще оленей, – оповестил он земляков.

– Я с тобой, – засобиравлась Полина.

– Полин, а тебе это зачем? – спросила Валентина, считая, что у нее уже есть право приказывать невестке. – Не женское это дело – грязь месить. Нам надо обед готовить и место для ночлега новеньких. Идем.

Полина умоляюще посмотрела на Ивана. Ей не хотелось заниматься скучным женским трудом.

– Мам, пусть со мной идет, – поддался Иван ее немой просьбе.

– Валь, пусть идут, а то в наших казармах молодым не уединиться. Хочешь внуков, дай молодым свободу, – посоветовала ей Софья Марковна.

– Да какие сейчас внуки, Софа? – возмущенно ответила Валентина.

– Обыкновенные. Не хочешь же ты, чтобы жизнь на нас закончилась? – удивилась бывшая соседка.

– А родит, где будут жить? В одном вагончике со всеми? – Валентина фыркнула и направилась к бытовкам.

– Ого, напугали мы маму, – усмехнулась ей вслед Полина. – А ты сам-то что думаешь об этом?

– Не думаю пока. Идем. – Иван направился в сторону южного вала по следам оленей.

Животные проводили их своими большими влажными глазами, но с места не сдвинулись, словно знали, что обратно им не надо. Сомнений не осталось, что причиной их появления здесь являлась семья Виктора. Олени шли по следам людей до самого вала и там же, где и они, спустились.

– Странно это все, как в сказке, – задумчиво произнесла Полина. – Вначале мы нашли это место, словно ожидавшее именно нас, с рыбой, чистой водой и лесом, потом олени. Все как на заказ. Жизнь меня всегда учила другому: что у тебя никогда не будет того, что ты яростно желаешь.

– Понятно же, жизнь другая наступила, – ответил Иван, приноравливаясь, чтобы подняться наверх.

– И что, теперь все мои желания будут сбываться?

– Уже сбылись. – Иван рассмеялся и постучал себя в грудь, как самец гориллы. – Вот твой главный приз.

– Я хотела блондина с голубыми глазами.

– Плохо хотела.

Иван уперся носками сапог в землю и полез по склону. Оступился, ноги заскользили вниз, и пришлось еще упереться в землю руками. На четырех опорах процесс пошел лучше.

– Вануйто, а ты надолго туда собрался? Я не полезу за тобой, – предупредила Полина.

Она до сих пор, оставшись одна на удалении от человеческого жилья, испытывала суеверный страх. Ей начинало казаться, что больше никого не осталось и она одна-одинешенька во всем мире.

Иван перебрался на другую сторону вала. Отряхнул руки и осмотрел следы. Прошел метров двести по ним. Посмотрел вдаль, насколько позволяла видимость. На ушах оленей висели бирки, и если их хозяева еще живы, то они вполне могли отправиться на поиски сбежавших животных. Оленеводы были меньшей проблемой из всех. Они не привыкли жить оседло и вряд ли бы стали претендовать на вагончики. К тому же из всех категорий граждан катастрофа на их образ жизни повлияла меньше всего, и, стало быть, причин вести себя неадекватно у них было намного меньше.

Иван вернулся на свою сторону.

– И что ты там увидел? – спросила Полина.

– Я боялся, что за оленями придут следом. Пока никого нет.

– Может, они умерли, – понадеялась Полина и сама удивилась, что смерть людей для нее облегчение.

– А оленей разметало смерчем, – усмехнулся Иван. – Я думаю, что их напугали хищники, отбили от стада, а хозяевам двадцать голов роли не сыграют.

– Ого, щедрые какие, – удивилась Полина. – Ну и что будем делать, пока нас твоя мама не видит?

В поселке к их возвращению кипела бурная деятельность. Из каждой трубы поднимался сизый древесный дым. Семья новеньких под надзором Софьи Марковны мылась по очереди в общественном душе. Им соорудили постель в самом торце вагончика. Между соседними кроватями положили лист древесной плиты, заправили ее постелью, и получилась спальное место для Даши и Вероники. Валентина и Лида готовили на костре уху на всех. Общая деятельность создавала ощущение братства, заботы и даже торжества. Стоять и смотреть, как работают другие, совсем не хотелось.

Иван взял свой бредень.

– Пойду позагребаю с Валерой, – доложил он Полине.

– Ты только не лезь купаться, – попросила супруга.

Неделю назад сеть Ивана зацепилась за корягу на дне, и ему пришлось нырять, чтобы отцепить. Мать и Полина, узнав об этом, устроили ему совместный разнос. Одну беспокоило здоровье сына, вторую – потенциальная продуктивность мужа.

– Ну как там олени? – поинтересовался Валера, загребающий сетью по мели.

– Других больше нет. Пришли за новенькими. Я думаю, что эти двадцать голов были отбиты от стада волками и долго блуждали по тундре, пока не наткнулись на людей.

– А волки за ними не придут?

– Они же не подходят близко к человеческому жилью. Но ночью в туалет надо выходить осторожнее, – решил Иван. – А детей вообще не выпускать.

– Привалило счастье, откуда не ждали. – Валера вытянул бредень на берег. В нем билось две рыбешки. – А ты не в курсе, чем их зимой кормить?

– Кормить не надо, сами должны, – предположил Иван. – Они же из-под снега едят мох, старую траву, даже грибы.

– Отощают на такой скудной кормежке. Может, завалим парочку, пока не поздно? – Валера вытащил свой улов и убрал в ведро.

– Да можно, – неуверенно согласился Иван. – Я, правда, никогда не убивал оленей.

– Я тоже, но детство закончилось, надо становиться мужиками. Да и рыба скоро может надоесть. Переедим фосфора, и будут глаза по ночам светиться. – Валера гоготнул. – Давай с того края забредем, мы там давно не были.

– Там глубоко.

– Не переживай, в этот раз я полезу в воду, если сеть зацепится.

– Ладно, – согласился Иван.

Погода в сравнении с той, что была раньше весной в этих широтах, поменялась сильно. Воздух стал намного влажнее, и когда ветер дул с юга или запада, погода делалась намного теплее обычного. Повсюду отросла сочная изумрудно-зеленая трава. Она такой не бывала даже весной, ее трепало то ветром, то морозами. А сейчас трава выглядела так, словно жировала в теплице на удобрениях. Наверняка оленям наступивший климат благоприятствовал намного больше прежнего.

Иван в мечтах представил, как их поселение разводит поголовье оленей до нескольких тысяч штук. При такой численности полностью пропадал страх перед неопределенностью будущего. Еды, одежды и жилья хватало всем, остальное уже из области необязательного.

– Иван, рыба пошла, бросай сеть, – крикнул Валера.

Иван замешкался и бросил в сторону зарослей, из которых Валера ее спугнул.

– Ты чего спишь? – Валера всплеснул руками. – Штук двадцать точно упустили.

– Не жалею, у нас есть на неделю запас. В следующий раз поймает. – Ивану стало неловко, что он повел себя как мечтатель совсем не вовремя.

– На неделю хватит, а там зима восемь месяцев. Еще неизвестно, какая. – Валера вытянул бредень с тремя рыбешками. – Ладно хоть столько попалось. А ты чего такой задумчивый? Что-то беспокоит или приболел?

– Нет, не приболел. Так, дурь всякая в голову лезет. – Иван зашел в воду, насколько хватало болотных сапог, и закинул бредень.

Валера взял его с другой стороны, и они прошли метров пятьдесят вдоль берега. Ничего не поймали.

– Лодку надо, – произнес Валера с печальным вздохом. – На середине озера рыба больше и толще. У самбургских бы стырить.

– Не надо. – Иван испугался, что Валера может до такого додуматься.

– Да я шучу, Иван. Нам тут подфартило невероятно. Чтобы не спугнуть удачу, надо тихо сидеть и не отсвечивать. – Валера усмехнулся. – Хочу задать тебе вопрос, на который надо честно ответить. Представь себе ситуацию: приходит к нам человек или несколько и говорят, мол, мы разведчики издалека, наш поселок умирает с голоду, дети, женщины, а мы ищем, куда можно переехать, чтобы сытнее жилось и крыша над головой имелась, хотя бы из трех вагончиков. Твои действия? Что ответить им и как вообще поступить? – Он с интересом посмотрел на Ивана.

– Сказать, что мы их не примем, – ответил Иван, подумав пару секунд. – Дать немного еды и отпустить.

– Они, конечно, уйдут, но потом вернутся с семьями, женами, и мы их тогда точно прогнать не сможем. А у них еще и оружие будет, чтобы мы стали сговорчивее. Это ведь реальный расклад. Люди в отчаянии, им разве хочется выбирать? Они уже в том состоянии, что если сам не возьмешь, то умрешь.

– Ты к чему клонишь, Валер? Что их надо сразу валить? – Иван испугался этих мыслей из-за того, что они показались ему правильными.

– Представь: заявятся сюда хотя бы двадцать семей. Они что, наших стариков оставят жить в вагончиках? Нет. Они скажут, что дети – цветы жизни, им нужны условия. Ну и жены, конечно, должны быть при детях. Да и всех остальных тоже выгонят на улицу. И где нам жить? И нужны ли нам такие проблемы? – Валера задумался. – Так что обойдемся без лодки. Лучше есть мелкую рыбешку, чем спать в снегу. Чтобы никого не пришлось убивать, лучше затаиться и жить скромно. Как говорили в армейке, если хочешь быть здоровым, ешь один и в темноте. – Валера рассмеялся. – М-да, времена настали. Раздели человеческую душу до исподнего, и вот мы какие есть на самом деле. Сами по себе, остальные враги. Надо держать свою территорию, кормиться с нее и не пускать чужих. Точно волки.

– Ну хоть не олени. Не ждем, когда накормят, а потом зарежут. – Иван взял ведро. – Пошли домой. Посмотрим, как наше новое хозяйство себя чувствует.

– Ну пошли. Посмотрим оленей и как твой Виктор с семьей выглядят в чистом виде. – Валера стряхнул бредень и растянул между ветками молодой сосны на просушку.

Половина женского коллектива сидела на улице, чистила рыбу, вынимала из нее кишки, а очищенные тушки развешивала на веревку. Щенки Изольды рвали рыбы останки между собой.

– Вот вам еще работенки. – Иван поставил ведро рядом с ними.

Мать заглянула в ведро.

– Мелкая какая-то. Вы что, всю крупную уже выловили? – спросила она на полном серьезе.

– Вряд ли, но она стала умнее, к берегу не подходит.
– А что делать? – спросила Валентина.
– Придумаем. – Иван махнул рукой. Он увидел сестру, сидевшую рядом с сыном Виктора. – А наша Алёнка прямо серьезно взялась за пацана.
– Это он раньше был пацаном, а с таким-то выбором, как у нас, мужик из мужиков. Пусть дружит, и вам с Полиной спокойнее. А то у нее что ни слово, то обязательно с ядом.
– Интоксикация дурными мыслями, – заметил Валера, нечаянно подслушавший разговор.
– А ты иди, уши развесил, – погнала его Валентина.
– А я что, неправ? – Валера хмыкнул. – В душе никого нет? Хочу смыть с себя рыбий дух.
– Нет. Новенькие уже все перемыслили, – ответила ему Лида. – Иди, я сейчас тебе полотенце принесу.

Иван понюхал себя. Раньше он никогда не обращал внимания, даже не задумывался, чем от него пахнет. А теперь, когда у него появилась жена, следовало держать себя в чистоте.

– Иди после. – Мать заметила его переживания.
– А где олени? – Иван огляделся, но не увидел их.
– Ушли куда-то. Мы их не трогали. Может, Изольда их угнала. – Мать пожала плечами. – Мне кажется, они ее раздражали. Она как будто приревновала их к нам.
– Вряд ли бы стадо оленей испугалось песка. Ладно, куда они от нас не уйдут, только бы в топи не поперлись. – Иван направился домой.

– Куртку скинь, я почищу ее, – попросила мать.

Иван повесил куртку, пропахшую рыбой и испачканную в чешуе, на столбик и направился в вагончик. Внутри было тепло и уютно. Полина как раз подкинула несколько чурбачков в печь.

– Отрыбачил уже? – поинтересовалась она с усмешкой.
– Сегодня плохая рыбалка. – Иван сел на стул и посмотрел в окно, выходящее в сторону южного вала. – Не видела, куда олени подались?

– Нет. Они ходили рядом, а потом разом исчезли. Может быть, это призраки или духи приходили разузнать, как мы тут устроились, не пакостим ли природе. – Полина рассмеялась и села рядом. Наклонилась к Ивану и прошептала: – Эти девчонки, Дашка с Вероникой, такие милашки, забавные. Спасибо, что ты разрешил им прийти к нам. Так хочется малыша.

Иван отстранился от нее и посмотрел с удивлением.

– Ты серьезно?

– Ну как бы да. Я понимаю, что у нас тут роддома нет и даже повитухи нормальной, но природа все равно требует своего, реализацию материнского инстинкта.

– Полин, ребенок в наших условиях – это намного сложнее, чем ты себе представляешь. Он будет плакать по ночам, а не спать придется всему вагончику. А если у тебя не будет молока?

– Какой ты продуман, а. – Полина насупилась.

– Не продуман, но чуть более трезвомыслящий. – Иван полез обнимать Полину.

– Так, руки убрал. Раз я у тебя не трезвомыслящая, значит, не подхожу по уровню. Ищи себе другую.

– Я сейчас в душ пойду, приходи спинку потереть, – предложил Иван примирительно.

– Нет. Три себя сам. Двадцать восемь лет тер, наверное, уже привык.

Иван полез в сумку под кроватью. Вынул полотенце, повесил на плечо и достал мыло в мыльнице.

– Что ж, придется сдать тебя по гарантии назад в Уренгой. – Иван едва успел увернуться от леща, целившего ему пониже спины.

– Ладно, иди, трезвомыслящий, в душ, я сейчас подкину еще раз и тоже приду помыться. Воду не выхлестай всю.

– Не прикоснись, пока ты не придешь, – пообещал Иван.

В этот день после душа работать уже не хотелось. Иван просидел весь вечер на крыше с журналом по газодобыче, лежавшем в одном из вагончиков. Читал просто из ностальгического желания. Пока смотрел в текст и на красивые глянцевые фотографии, удавалось забыться на мгновение и представить себя на работе. Сердце от этого томительно сжималось, накатывали теплые чувства: спокойствие, умиротворение, определенность. Длились они секунды, пока взгляд не падал в сторону. Реальность выдувала всю ностальгию, заменяя ее суровой холодной действительностью. Того мира нет и уже никогда не будет, а журнал в его руках – исторический документ, помогающий потомкам хотя бы приблизительно представить себе мир до катастрофы.

– И долго ты собираешься там кукарекать? – Полина вышла на улицу с охапкой грязного белья.

– Ты стирать?

– Нет, на лоскуты резать. Поможешь?

Иван слез с крыши и пошел с Полиной в душ. Там еще осталось немного теплой воды, как раз для небольшой стирки.

– Грустил? – догадалась Полина.

– Не то чтобы грустил, скучал, скорее, вспоминал. Здорово же было, хотя временами так не казалось. – Иван вздохнул.

– А я вообще не жалею. Мне сейчас намного больше нравится. – Полина взялась активно мять белье в воде.

– Прямо все нравится больше? – удивился Иван.

– Кроме туалета на улице. – Полина рассмеялась. – Помоги, что смотришь?

Иван сменил Полину и стал отбивать белье от грязи еще активнее.

– Стиральные машинки тоже были лучше, чем сейчас. – Он вытер быстро выступивший на лбу пот.

– Я больше об отношении к себе и понимании себя в обществе. У меня сейчас хотя бы чувство полноценности есть и спокойствие перед будущим. А тогда все было как в тумане, а я металась, не видя дороги. А потом вспышка – и туман исчез.

– Вспышка – это я? – в шутку предположил Иван.

Полина снова рассмеялась.

– Вообще я про то самое землетрясение и все, что было после, но ты был знаменем, что скоро всему конец.

– Я могу сказать про тебя то же самое. Встретить такую девушку можно только перед концом света.

– Это почему?

– Чтобы спасти тебя.

– Да чтоб тебя, спаситель. – Полина улыбнулась. – Хотя ты прав, если бы не конец света, я бы себя сгубила, а ты бы побоялся со мной связываться на перспективу. Так же?

– Да, – честно признался Иван.

– Мамкина ты радость, – поддела его Полина.

Стирка закончилась, когда на улице уже стемнело. Несколько человек сидели у небольшого костра, разогревая воду. Борис травил байки из жизни, а народ, за неимением других развлекательных каналов, внимательно ему внимал. За границей огня блестели глаза оленей, расположившихся на ночлег рядом с человеческим жильем. Изольда и щенки не хотели соседства с ними и не пришли ночевать, как обычно.

– Иван, иди сюда, – позвал Борис. – Твои знакомые не верят, что у нас мороз минус шестьдесят пять был перед тем, как пришла жара.

– Да я рассказывал им уже. Да, было, стены домов трескались. Я обморозил себе лицо, пока бегал на склад, потому что ветер еще был сильный.

– А у нас ниже минус тридцати не падало, – произнес Виктор. – Интересно, откуда взялся такой холод?

– Без понятия, – развел Борис руками. – У меня теория: если где-то на планете припекло, значит, в другом месте приморозит. А за счет чего, у меня ума не хватает понять. На это ученые есть. В смысле, были. Если бы не они, ничего бы не было, гарантирую, – со знанием дела заявил Борис. – Горе от ума. Дураков же все устраивает, а вот у умных шило в заднице, им вечно надо что-то изобретать и проверять на людях, работает их штука или нет.

– Вряд ли у людей нашлось бы столько энергии поднять земную кору и провернуть под ней что-то по всей планете, – произнес Виктор. – Я думаю, это какой-то циклический процесс, но такой, что с человечеством он случился впервые.

– И в последний раз, – заключил Борис и зевнул в ладонь. – Кажется, пора спать, завтра снова будет напряженный день.

– А что у нас завтра? – поинтересовался Виктор.

– Дрова, рыба и вода, как обычно. А, еще же олени добавились. Не удивлюсь, если оттаяли мамонты и завтра припрутся голодные после многотысячелетней спячки. – Борис направился к вагончику. – Всем спокойной ночи.

Без хорошего рассказчика остальная компания тоже разошлась. Иван с Полиной спали на одной кровати в обнимку. Так было теплее и места оставалось больше. Некоторые, кому приходилось спать вдвоем на одной кровати, ложились валетом. Полина засопела сразу, а Ивану в мыслях о том, как увеличить площадь спальных мест, уснуть не удавалось.

Снаружи слышались шаги, едва различимые в полной тишине. Вначале он принял их за оленей, слоняющихся вокруг, но потом донесся шепот. Иван вскочил с кровати, протянул руку и потряс Марселя за плечо.

– Что? – резко спросил тот спросонья.

– Тсс, у нас, кажется, гости. Вокруг вагончика ходят люди, – прошептал Иван.

Марсель резко поднялся.

– Куда ты? – Руфина тоже проснулась.

– Иван говорит, что снаружи люди. – Марсель стал одеваться.

Иван выглянул в окно, но ночь была слишком темной, да и шаги затихли.

– Может, показалось? – с надеждой в голосе спросил Марсель.

– Я не спал. – Иван уже и сам засомневался в том, что слышал шаги.

– Может, Борис бродит? У него бывает бессонница, – предположила Руфина.

– Рано бродить для бессонницы, он только лег. – Иван подошел на цыпочках к двери и приоткрыл ее.

По ногам потянуло холодом. Вдруг шумно вскочили и затопали олени. Иван инстинктивно захлопнул дверь.

– Оленей спугнули, – доложил он.

– А если это волки? – Марсель полез в тумбочку с посудой, чтобы взять нож, и загремел ею.

– Да тише ты, – шикнула на него супруга. – Медведь.

– Порядка у вас никогда нет. – Марсель взял в руки нож. – Волки боятся огня.

– Погоди. – Иван нащупал в темноте сухой чурбак, приготовленный для завтрашней топки, обмакнул его в ковшик с нефтью и чиркнул спичкой. Нефть быстро и с треском разгорелась. – Пошли? – спросил он.

– Пошли. – Марсель открыл дверь.

Они осторожно спустились со ступенек. Света от импровизированного факела едва хватало, чтобы осветить пространство в нескольких метрах. Дымился догорающий костер, висела

выстиранная одежда. Иван направился в сторону лежки оленей. Он ожидал увидеть свет, отраженный в их глазах, но ночь впереди оставалась непроглядно темной.

– Ушли, – заметил Марсель.

– Почему?

– Только бы не волки. – Марсель крутанулся на месте, опасаясь нападения сзади.

Они дошли до крайнего вагончика. Иван отшатнулся, увидев в окне испуганное лицо Софьи Марковны.

– Твою мать, – выругался он негромко.

Софья Марковна показывала пальцем налево, а затем изобразила «двойку» из пальцев.

– Она говорит, что было двое, но кого? – Марсель так понял ее знаки.

– Не спится, ребята? – Из-за угла вагончика неожиданно возник мужчина с карабином в руках.

Иван замер на месте, не зная, чего ожидать и что делать. Внезапное появление человека вергло его психику в ступор.

– Вы кто? – смог он выдавить с трудом.

– Да вам какая разница, кто я. За своими оленями пришел. Побегать пришлось, а я уже не мальчик.

– Забирайте. Они сами к нам пришли. – Иван и не думал начинать дележ.

Спорить с человеком, у которого в руках нарезной ствол, себе и остальным дороже.

– Утром пойдем. Сейчас ничего не видно. Еще загоним их в разлом или в топи. – Незнакомец перекинул оружие из одной руки в другую.

– Ну ладно. – Иван хотел надеяться, что так и будет. – А вы оленеводы?

– Не видно? – Мужчина подошел ближе.

Это был старый ненец, сморщенный, с нависшими веками и мешками под глазами.

– Я профессию по внешности не определяю, – ответил Иван.

– Если ты не оленевод, значит, не настоящий ненец, – произнес мужчина. – Как ты.

– Вы не один? – спросил Иван, проигнорировав выпад.

– С другом. Ептанга, покажись.

Из темноты вышел второй ненец в оленьем полушубке, моложе и тоже с карабином.

– Доброй ночи, – поздоровался он.

– Добрее некуда, – ответил Марсель. – Вы напугали наших женщин и детей. Могли бы утра дожидаться. Тайком, что ли, собирались увести?

– А мы что, должны спрашивать, когда свое забрать? – саркастично поинтересовался старый ненец.

– Ладно, мы поняли, забирайте, и хорошей дороги. – Иван уже устал от пустопорожнего разговора и от раздражающего присутствия незнакомцев.

На шум стали выходить люди. Позади Ивана появился Борис и подслеповато издалека пытался понять, что происходит. Вышли Полина и Валентина. Они смело подошли к мужской компании.

– Кто такие? – строго поинтересовалась Валентина.

Первый мужчина с ружьем зыркнул в ее сторону и вдруг начал изображать, будто у него зачесался лоб.

– Олени наши зашли на вашу территорию. Мы пришли их забрать, – ответил он, продолжая натирать лоб.

Валентина поймала его за руку и отвела ее в сторону.

– Коль, это ты, что ль? – удивилась она. – Николай?

Она взяла факел из рук Ивана и поднесла к лицу старика-ненца.

– Боже ты мой, Коль, ты как урюк сморщился. Вань, отец твой собственной персоной. Пришел у сына оленей забрать, – начала наседать она.

Иван растерялся, впервые в жизни увидев отца. Он представлял его совсем иначе. Чуть старше себя, но похожего. А этот мужчина оказался сильно старше его представлений и совсем не похож. Николай тоже растерялся и бегал глазами от Ивана к Валентине.

– Ептанга, иди стереги оленей, – проводил он напарника.

– Что, опять в оленеводы подался? – спросила Валентина у бывшего мужа. – Нигде больше не пригодился? А жизнь-то тебя, видать, побила. Бравый был мужик, нахальный.

– А это уже не твое дело, – огрызнулся Николай. – Значит, это мой сын? – Он посмотрел на Ивана. – Вылитый я в молодости.

– Да не дай бог. – Валентина перекрестилась. – Ванька умный парень, ответственный. А это его девушка, Полина. – Она придвинула Полину вперед.

– М-м, хорошенькая, в моем вкусе.

– Тьфу ты, старый пень. Не думала, что еще когда-нибудь увижу тебя. Наверное, так было задумано, чтобы вы хотя бы раз в жизни увиделись во взрослом возрасте.

– Почему олени сбежали? – спросил Иван то, что ему хотелось знать больше всего.

– На них сейчас время от времени нападает какое-то бешенство, глаза таращат и бегут куда попало. Мы думаем, они чувствуют опасные запахи из-под земли. Стадо тяжело удержать, а надо их еще гонять, потому что травы почти не осталось, – пояснил Николай. – А вы тут как оказались? Здесь же ничего не было.

– Вагончики остались от газовиков. Тихого больше нет, мы переехали сюда, – объяснил Иван. – Выгнать стадо отсюда будет нелегко. – Вы, наверное, спустились к нам по южному валу. Это самое удобное место, чтобы покинуть наш заповедник.

– Правда? – В голосе Николая прозвучало недоверие.

– Дождитесь утра и проверите. Вокруг разлом, и только с юга есть выход.

– Дождемся. Ептанга, ставь палатку, утром пойдем.

Его напарник зашумел в темноте вещами.

– А там, где у вас стояло, много зеленой травы осталось? – спросил Иван.

Он был уверен, что отец пришел с севера, и хотел знать состояние природы в тех краях.

– Отрастает потихоньку. Мороз убил траву. Много оленей и людей убил. Нам пришлось гонять олешек, чтобы не околели. Ужас, что творилось тогда. Хорошо, недолго. Тепло быстро пришло, и все растаяло, – рассказал Николай.

– А если оленей не получится переправить на ту сторону, что будете делать с ними? – поинтересовался Иван.

– Не думал об этом. Вам они, если не зарежете сейчас, все равно пользы не сделают, – ответил Николай.

– Это почему? – удивился Иван.

– Шаман сказал, зима будет снежной, олени вымрут, потому что не смогут достать до мха. Их надо гнать на закат. Там зима будет мягкой, без снега. Мы со всеми соседями договорились, что будем переезжать на запад. Через три дня уходим.

– А шаман не мог ошибиться? – Иван не верил архаичным обрядам.

– Никогда не ошибался.

– А землетрясение и мороз предсказал? – спросила Полина.

– А как же. Даже место указал, где надо стоять, чтобы земля под ногами не разошлась. Сильный шаман, духи обо всем ему рассказывают.

– Ой, Коля, ты то в заветы партии верил так же искренне, то истину на дне бутылки искал, теперь шаманы у тебя – свет в окошке.

– Валя, не позорь меня перед сыном, – попросил внезапно появившийся отец.

– Да ты сам себя опозорил так, что мне уже с тобой не сравняться. – Валя укуталась в накинутый на плечи плащ. – Шаман ничего тебе не сказал про то, что встретишь здесь сына?

– Не сказал.

– Наверное, сюрприз хотел сделать. – Валентина осмотрелась, чтобы понять, кто вышел. – Народ, давайте накормим гостей, а утром проводим?

– Колька, ты, что ль? – Софья Марковна протиснулась вперед. – Мама дорогая, красивее в гроб кладут.

– А вы, Софья Марковна, тоже не огурчик, – ответил Николай с обидой.

– Да, денек сегодня какой-то продуктивный на гостей. Ладно, сон уже испортили окончательно, накормим, послушаем ваши истории. Ванька, опять же, в полноценную семью вернулся.

– Ненадолго. Я утром уйду.

– Знаешь, как твое появление называется? – спросила Софья Марковна.

– Как? Явление Христа народу?

– Лебединая песня. Пой давай, Коля, а мы слушаем.

Глава 7

Обоз привез три бочки для нового улова, как и обещал Первый, пять автоматов, неначатый цинк патронов, большой моток веревки, крупы, муку и килограммов десять парафина. У Роберта отлегло от сердца. Появление людей из города сняло напряжение, копившееся последние дни, а наличие вменяемого количества оружия и боеприпасов позволило поверить в собственные силы.

Ростислав ночевал в их чуме на спальном месте Даниэля. Все были рады ему, даже Ганс, выбравший его в качестве обогревателя на ночь. Мария накормила юношу рыбой во всех видах. Эмилия поведала обо всех приключениях Даниэля, пока он обучался на рыбака. А Роберту интереснее всего было знать, чем живет основная часть общины и не случилось ли каких-нибудь инцидентов по дороге.

– В городе как будто народу стало больше, – заметил Ростислав. – С утра до вечера что-то носят, возят. Строить начали. Говорят, жилье будет, а еще котлован выкопали под какую-то фабрику.

– Фабрику? – удивился Роберт. – Интересно. А подозрительные люди в городе не встречаются?

– В каком смысле?

– Ну, такие, похожие на преступников, неприятные, одним словом. Кто не работает или ведет разговоры о том, что власти общины обманывают людей, едят в три раза больше остальных и носят замшевые ботинки, в то время как остальные мотают тряпки на деревянные подошвы.

– Болтают многие. У нас немного голоднее, чем у вас. Я так много не ел давно, – признался Ростислав.

– Да это потому, что у нас маленький праздник в честь тебя. Мы сами едим скромнее, – произнесла Мария. – А еще мы живем в вигваме, как индейцы, и спим почти на полу. Уж точно хуже, чем было жилье в Архангельске.

Ростислав осмотрел жилище.

– Да, напоминает балаган, который я в детстве делал из стульев и одеяла.

– Точно, балаган. – Мария улыбнулась.

– Так что насчет подозрительных людей? – встрял в разговор Роберт. – Извини, Маш, это сейчас намного важнее. Никто не ведет разговоры о том, чтобы поднять бунт?

– Я не слышал, дядь Роберт. У нас на работе мужики как-то набили одному морду за то, что он агитировал их к какому-то митингу, но я не вникал. Я самый молодой в коллективе, и меня политические проблемы взрослых дядек не особо волнуют. Этого мужика потом выгнали с работы.

– А должны волновать. Кто-то пытается расшатать общину изнутри и снаружи. Хотят получить жирный кусок без особых усилий. Если не сопротивляться, то они получают, что хотят, а потом так зажмут гайки, что сегодняшняя власть покажется дарованной небесами. Ты если будешь слышать всякие подобные разговоры, фиксируй, кто их ведет, и докладывай начальнику отдела безопасности. Подобные вещи надо пресекать на корню. Я уверен, что на общину позарилась та же организация, с которой мы тогда воевали. Что бы они ни обещали людям, это уловка для наивных и недовольных. Будет много смертей и показательных казней, а уж из нашей общины в живых точно никого не оставят. Ты про Савелия слышал?

– Нет.

– Его убили, а заодно и всех, кто был с ним. Очень напоминает акт отмщения и запугивания. Ты никому об этом не говори, просто понимай, что стоит на кону.

– Это правда?

– Да. Скорее всего, это сделала та же неуловимая банда, что бродит вокруг города. Мне иногда кажется, что она не бродит на самом деле, а живет в нем и собирается вместе, когда нужно совершить какое-нибудь злодеяние. Они хорошо знают обстановку в городе, поэтому в курсе, куда и как ударить, чтобы не быть пойманными. Под подозрением могут оказаться все, кто тебя окружает.

– Роберт, ты запугаешь мальчика. – Марии не понравилось, что муж нагоняет жути.

– Нас уже один раз выгнали из убежища за бездействие, – напомнил ей Роберт. – Держи уши открытыми и не игнорируй опасные разговоры. В руках каждого из нас – безопасность будущего, – обратился он к другу сына.

– Хорошо, – согласился Ростислав. – А Дэн приплывет завтра?

– Не знаю. Как решит начальство. – Роберт пожал плечами.

– А ты там не завел себе новых друзей? – спросила Мария.

– Нет, таких, как Даниэль, там нет. Мы с ним друг друга с полуслова понимаем. Общаюсь, но друзьями их не назвать, так, знакомые. Хотел узнать, как ему работа рыбака, если нравится, то можно через год попроситься сюда, – предположил Ростислав. – Я видел, у вас тут девушки симпатичные ходят, глазки строят.

– Выбор невест тут есть, – согласился Роберт.

– Были бы рады, если бы удалось перевестись. У нас тут поспокойнее, чем в городе, по крайней мере, до всех этих событий. – Марии понравилась идея Ростислава. – А девочки тут на хорошем питании цветут. Смотри, какой стала Эмилия!

– Мам? – Эмилия покраснела.

– Да, я ее даже не сразу узнал, – признался Ростислав. – Красивая стала, прямо девушка.

– Вот-вот, – многозначительным тоном заострила Мария внимание на этом.

Она была не против такого жениха для дочери.

Разговоры постепенно сошли на нет. Гость Мартенсов устал после долгого перехода и рано лег спать. Роберт в эту ночь одну вахту часовым отстоял сам. Только уснул в отдыхающую смену, как доложили, что пришли лодки с уловом. Пришлось вставать и организовывать разгрузку.

Сын тоже пришел с командой рыбаков. Увидев Ростика, обрадовался и пытался вздохнуть рассказать обо всем, что с ним произошло, особенно на рыбалке.

– Потом наговоритесь, – остановил их Роберт. – Вначале работа.

Рыбы вперемешку со льдом набралось гораздо больше, чем на три бочки. Что не влезло, отвезли на склад. В бочки засыпали свежий лед и обложили их вокруг. Перед тем как отправить отряд транспортников, по обычаю следовало их накормить как следует. Пока шли приготовления обеда и сам обед, Даниэль и Ростислав общались. Эмилия помогала на кухне и, когда выдалась свободная минута, подседала к отцу.

– Па, а Ростик тоже повзрослел. Бреется уже, – произнесла она, немного смущаясь.

– Да, юноша становится мужчиной.

– А ты можешь сказать своему Первому, чтобы он его сюда перевел? – залепила она прямо.

Роберт слегка опешил.

– Может, нам надо вначале Ростика спросить, хочет он того или нет?

– Хочет, конечно, видишь, наговориться с Даниэлем не могут.

– Ну, в городе есть правила насчет выбора работы, но я попытаюсь замолвить словечко.

– Спасибо. – Эмилия обняла отца. – А можно я ему с собой в дорогу еды дам?

– Ты что-то специально для него приготовила? – удивился Роберт.

Он до сих пор воспринимал Эмилию как ребенка.

– Ага.

– Можно. Раз уж ты поставила цель перед собой, то надо начинать постепенно пускать в нее стрелы. – Роберт заметил в дочери подход, присущий и ему самому.

– Амура? – Эмилия засмеялась.

– Его самого.

Обоз провожали чуть ли не всей общиной. Эмилия никак не могла дождаться момента, чтобы вручить Ростиславу кулек с едой. В нем была вяленая рыба, только мякоть и немного всякой вкусной травки в жиру. Даниэль никак не мог наговориться с другом. Роберт решил, что сын пытается рекламировать их общину. Ожидающую Эмилию заметил Ростислав и, вежливо отодвинув ее брата, поинтересовался у нее:

– Ты, наверное, хотела мне что-то передать?

Эмилия с непривычки зарделась, но переборола себя и вручила своей презент. Даниэля ее поступок сначала обескуражил, но потом он смекнул, что интерес сестры к его другу непростой, и даже отошел в сторону. Мария показала ему поднятый вверх большой палец.

– Сообразил, слава богу. Мальчишки в этом возрасте такие бестолковые.

– А он, как и я, еще не воспринимает Эмилию как невесту. Она для него – младшая сестра, сопливая девчонка.

– То-то я гляжу, как он вытаращился на нее, когда она ему кулек свой передала. – Мария улыбнулась и прижалась к мужу. – Даже завидно немного, что у нас такой романтики больше не будет.

– Я не хочу больше проходить через такой стресс. Наши первые часы знакомства отняли у меня десять лет жизни. Как в дурку не попал, непонятно. – Роберт рассмеялся.

– Ты только с женщинами нерешительный, а с остальным у тебя такого стресса нет, – заметила супруга.

– Потому что я умею правильно расставлять приоритеты, – в шутку похвалил себя Роберт.

Командир обоза скомандовал выход. Эмилия и Ростислав замешкались, не зная, как попрощаться. Целоваться вроде как рано, жать друг другу руки глупо. Эмилия нашлась и как бы дружески обняла его. Потом Ростислава обнял Даниэль, и это выглядело естественно.

– Вы видели? Они обнимались, – доложил Даниэль родителям. – Ты что, вчурилась в Роштика? – поддел он сестру.

– Что за выражение – втюрилась? – укорила его мать. – Ростислав очень приятный парень, заметный. Молодец, дочь. – Мария обняла Эмилию. – Одобряю твой выбор.

– А твоему другу будет лишний повод попроситься сюда, – добавил Роберт.

– Он уже хочет к нам. Я рашшкажал ему про рыбалку, как это ждорово, намного вещелее, чем тащичца ш обожом.

– Тебе правда понравилось рыбачить? – Роберт еще не успел пообщаться с сыном насчет работы.

– Очень. Когда рыба идет, обо вщем жабываешь. И там много льда, и тюлени плавают. Крашиво. – Глаза Даниэля разгорелись.

– Очень рад, что работа пришлась тебе по душе. – Роберт похлопал сына по плечу. – Очень хочется, чтобы мы жили, а не терпели ради каких-то благ.

Команда рыбаков, доставившая первый улов, надолго в поселке не задержалась. Во второй половине дня погрузились на лодки с припасами и ушли в море. В общине так называли водное пространство бывшей Двинской губы, хотя оно на море совсем не походило. После прохождения тектонической волны ландшафт сильно изменился, и то место, куда постепенно возвращалась вода из Белого моря, изобиловало возвышенностями и низменностями, в первую очередь заполнявшимися водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.